

От автора международного бестселлера
«Дочь Рейха»

ЛУИЗА ФЕЙН

ТАЙНОЕ ДИТЯ

РОМАН

Эта книга разобьет вам сердце,
заставит усомниться в человечестве,
а затем вернет вам надежду.

[Amazon.com](https://www.amazon.com)

Азбука-бестселлер

Луиза Фейн
Тайное дитя

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Фейн Л.

Тайное дитя / Л. Фейн — «Азбука-Аттикус», 2021 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-20914-5

1920-е годы. Англия. Элино́р Хэ́милтон – счастливая жена и мать очаровательной четырехлетней девочки Мейбл. Эдвард Хэ́милтон – известный психолог, активно продвигающий идеи евгеники, призванной бороться с наследственными заболеваниями ради общественного блага. Но когда Мейбл ставят диагноз «эпилепсия», все в семье идет прахом. Болезнь Мейбл необходимо скрыть, иначе дело всей жизни Эдварда окажется под угрозой. Обнаружив, что муж утаивает от нее важную научную информацию, Элино́р пересматривает свои взгляды на генетическую неполноценность, и ее прежняя вера в непогрешимость мужа рушится. Встревоженная, расстроенная, не способная больше мириться с ситуацией, она берет дело в свои руки... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20914-5

© Фейн Л., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	13
I	21
Глава 3	22
Глава 4	29
II	37
Глава 5	38
Глава 6	44
Глава 7	53
Глава 8	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Луиза Фейн

Тайное дитя

© И. Б. Иванов, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

* * *

Посвящается Милли, Джошу и Лотти

Образованный человек – это бездельник, убивающий время на познание. Берегитесь его ложного знания; оно еще опаснее невежества.
Джордж Бернард Шоу

Этот роман был навеян личным опытом автора по воспитанию ребенка, страдающего эпилепсией. Вообразив себя живущей веком раньше, в эпоху, когда верили в ущербную науку, а сама эта эпоха была сформирована ксенофобией, предрассудками и страхом, автор надеется привлечь внимание к подходам и клише, которые живы и по сей день и продолжают влиять на наше общество и язык.

Часть первая Июль 1928 года

Глава 1 Элино́р

Мейбл крепко держится за руку Элино́р. Их рессорная двуколка быстро катится по проселочной дороге. Из-под копыт Дилли в знойный июльский воздух взлетают облачка пыли. По обеим сторонам дороги, словно часовые, стоят деревья. Их ветви нависают над дорогой и изгибаются подобно аркам собора, образуя прохладный зеленый купол, который защищает маленького пони и сидящих в двуколке от нещадного послеполуденного солнца.

– Быстрее! – хихикает Мейбл, глядя сияющими глазами на мать. – Пусть Дилли бежит быстрее!

Девочка оглядывается на дорогу и весело смеется. Ей нравится, что ветер играет ее локонами, почти прозрачными на солнце, а сама она возбужденно подпрыгивает на сиденье рядом с матерью.

Элино́р натягивает поводья. Те похрустывают. Ветер доносит слабый запах конского пота. Для такой жары пони бежит достаточно резво. Они так и так приедут намного раньше времени, чтобы встретить лондонский поезд, прибывающий в 16:25.

– Мейбл, Дилли не может бежать быстрее, – отвечает Элино́р. – Сейчас слишком жарко. И потом, она уже довольно старая. Было бы некрасиво ее перенапрягать.

Гнедые бока Дилли потемнели от пота, но она по-прежнему бежит быстро, добросовестно подчиняясь командам Элино́р. Уши лошадки наострены, голова поднята, словно и она вместе с хозяйкой радуется возвращению Роуз. Элино́р захлестывает счастье. Она думает, как поделится с сестрой замечательной новостью, и представляет реакцию Роуз. Даже Эдвард пока об этом не знает.

Мейбл надувает губки и отпускает руку матери:

– А сколько Дилли лет?

– Где-то около тринадцати.

– И она старая?

– Пожалуй, для пони это средний возраст.

– Мама, а тебе сколько лет?

– Мейбл, неприлично спрашивать у леди о ее возрасте, – смеется Элино́р, наклоняется и целует дочку в макушку. – Но тебе я скажу, только пусть это останется нашей тайной, – говорит она, похлопывая себя по переносице и делая суровое лицо.

Мейбл кивает. Личико малышки тоже принимает серьезное выражение.

– Мне двадцать семь. В общем-то, почти двадцать восемь, – удивленно добавляет Элино́р.

Когда же она успела достичь этого уже не юного возраста? Всего год назад ей было двадцать; во всяком случае, так говорят ее ощущения. И почему в двадцать восемь кажешься гораздо старше, чем в двадцать семь? А там и до тридцати рукой подать, сокрушенно сознаёт она. Тридцать лет для женщины – это старость? Мужчина такого возраста считается только-только входящим в расцвет сил, но женщина...

– Какая же ты старая! – восклицает Мейбл. – Значит, ты скоро умрешь, как Пэтч? Мама, но ты же не умрешь, правда?

– Боже мой, конечно же нет! Дорогая, люди живут намного дольше собак и пони. На самом деле для человека я еще очень, очень молодая.

Мейбл заметно успокаивается и задает новый вопрос:

– А тете Роуз тоже двадцать семь?

– Тете Роуз всего восемнадцать и вскоре исполнится девятнадцать, – отвечает Элино́р. – Она получила хорошее образование, достаточно попутешествовала и превратилась в смышленную юную леди, которой твой папа постарается найти обаятельного богатого мужа.

Элино́р закусывает губу. Пожалуй, она сказала много лишнего. Дочка, не понимая смысла слов, по обыкновению перескажет их совсем не тем, кому это надлежит знать. Она бросает взгляд на Мейбл. Та сосредоточенно смотрит на дорогу. Малышка совсем замерла; скорее всего, обдумывает новую порцию вопросов, рождающихся в ее четырехлетнем уме. В нарядном платьице, украшенном желтыми и розовыми цветочками, она выглядит как картинка. Элино́р согласилась с Мейбл: только в таком платье и ехать на станцию встречать тетю Роуз.

Мейбл поворачивается и поднимает взгляд на Элино́р. В глазах малышки – непонятная темнота. Элино́р уже несколько раз замечала эту почти неуловимую темноту, которую она склонна приписать своему воображению. Через мгновение темнота исчезает, и личико Мейбл вновь озаряется.

– Можно, мы споем песенку? – улыбаясь, спрашивает Мейбл.

– Чудесная мысль, – кивает Элино́р.

– Мама, а что мы будем петь?

– Давай подумаем...

Элино́р набирает в легкие побольше воздуха и, подчиняясь ритму цокающих копыт Дилли, начинает раскачиваться и петь. Мейбл быстро присоединяется к ней и тоже раскачивается, выводя припев:

Боже, ну что там могло приключиться? Что же могло с ним такого случиться? Боже, ну что там могло приключиться? С ярмарки Джонни пора б воротиться.

Лент синих охалку купить обещал он. Лент синих атласных купить обещал он. Лент синих охалку купить обещал он, Чтоб в мои дивные косы вплетать...

Всех слов и порядок куплетов Элино́р не помнит, а потому придумывает на ходу. Мейбл, похоже, совсем не возражает и радостно, хотя и нестройно подтягивает во всю мощь своего голоса. Дилли шевелит ушами.

Яблок зеленых купить обещал он. Сочных, хрустящих купить обещал он. Яблок зеленых купить обещал он, Чтоб ими могла я себя усладить¹.

Деревья расступаются. Теперь дорога тянется вдоль поля. У канавы, почти у самой обочины, лениво бродят косматые коровы и телята галловейской породы, помахивая хвостами над своими круглыми и такими же косматыми задами. Поперек туловища у них тянется белая полоса. Обвислые животы елозят по высокой траве. Головы опущены, что неудивительно для столь жаркой погоды. Над ними выются тучи насекомых. Проезжая мимо, Элино́р энергично отмахивается от докучливых кровососов. Впереди над дорогой дрожит слепополуденное марево. За полем сквозь кроны деревьев проглядывает островерхий купол далекой церкви.

– Почти доехали, – говорит она Мейбл.

Дочка продолжает напевать себе: «Боже, ну что там могло приключиться?» Эту строчку она повторяет снова и снова, выдерживая небольшие паузы.

В конце поля дорога делает поворот. Появляется здание станции, напротив которого стоит паб «Белый олень». Далее, взбираясь на склон холма и уходя за пределы видимости, раскинулась деревня Мейфилд – типично английская деревня, живописная, утопающая в зелени,

¹ Старинная английская детская песенка, появившаяся еще в 1770-е годы. Автор приводит одну из многочисленных версий. – *Здесь и далее примеч. перев.*

с непременным полем для крокета, утиным прудом и майским деревом. Исторические деревянные каркасные дома – некоторые строились еще во времена Тюдоров – тянутся волнами вокруг зеленого сердца деревни, а сама она органично вписывается в красоту холмов Суррея.

Элино́р натягивает поводья, и неизменно послушная Дилли замедляет шаг. До поезда остается еще больше десяти минут.

– Тпру! – командует Элино́р.

Пони и двуколка останавливаются. Элино́р сходит на землю и, не отпуская поводьев, ведет Дилли к поилке за пабом. Пони долго пьет воду, шумно втягивая ее сквозь металлический мундштук. Затем Дилли трет мордой о плечо Элино́р, едва не лишая хозяйку равновесия.

– Что, девочка моя, зачесалось?

В ответ Дилли фыркает, вызывая смех Мейбл. Элино́р ласково треплет пони по шее и отводит под тень раскидистого бука, что растет вблизи паба. Дилли опускает голову и упирается в ствол задней ногой.

Элино́р ссаживает Мейбл с двуколки, чтобы дочка размяла ноги на дорожке. Пока они ждут поезда, Элино́р наблюдает за малышкой. Та с восторгом разглядывает жука, затем тянется к пестрому камешку, не переставая щебетать сама с собой. Один или два раза Мейбл прерывает свое щебетание и замирает. Кажется, будто она что-то вспомнила... Потом, через секунду-другую, продолжает исследовать окружающий мир.

– Добрый день, миссис Хэмилтон, – слышится с другого края дороги.

Это Тед, местный почтальон. Помахав ей рукой, он подходит к почтовому ящику за станцией.

– Ну и жаркий сегодня денек! – добавляет Тед, доставая из кармана ключи.

– Не то слово!

Элино́р проводит по лбу рукой в перчатке, словно показывая почтальону, что вот-вот расплавится от жары.

Дверца почтового ящика со скрипом открывается, заслоня голову Теда, который вытряхивает письма в подставленную сумку.

Элино́р лениво наблюдает за Тедом, мыслями уносясь к совсем уж скорому возвращению сестры домой. Как же она соскучилась по младшей сестренке! Роуз – это все, что осталось у Элино́р от детства и прежней семьи, и импульсивное желание держать сестру подле себя, в безопасности, становится почти невыносимым. Возможно, из-за того, что оба их брата погибли на войне, а затем один за другим трагически расстались с жизнью родители, Элино́р, естественно, боится выпускать сестру из поля зрения. Ей понадобилось проявить изрядное великодушие, чтобы позволить Роуз надолго отправиться в Париж. До появления Эдварда они с Роуз были совсем одни в целом мире.

Эдвард так заботливо относится к Роуз. Дорогой Эдвард, какой же ношей явились они с сестрой для него! Женившись, он взял на себя гораздо больше, нежели заботу о жене. И Роуз, конечно же, должна поскорее найти себе мужа и освободить Эдварда от ответственности за двух женщин, особенно когда ожидается пополнение семейства. Рука Элино́р ложится на живот, а глаза перемещаются на Мейбл, которая сидит на корточках под деревом и собирает прутики. Элино́р пытается представить сестру под руку с обаятельным молодым человеком, и грудь сдавливает от острого ощущения потери.

Она встряхивает головой. Нельзя и дальше удерживать Роуз подле себя. К тому же сестра имеет полное право на семейное счастье. Элино́р представляет, какой была бы ее жизнь без Эдварда, и испытывает легкую дурноту.

Первая встреча с Эдвардом глубоко врезалась ей в память. Воспоминание живо рисует ей то время, и у Элино́р перехватывает дыхание, совсем как восемь лет назад, в 1920-м. Широкие плечи под ладно сидящей формой, медали, украшающие грудь. Едва взглянув на них, Элино́р

увидела Военный крест, присуждаемый за особую храбрость. Вошедший был высокого роста. Элино́р тогда работала секретаршей в Военном министерстве. Сидя за пишущей машинкой, она смотрела, как мужчина опустился на стул возле кабинета бригадного генерала, и думала, за какие подвиги его могли наградить этим орденом. Проникающие в душу глаза, задержавшиеся на ней чуть дольше, чем положено капитану, явившемуся для демобилизации. Элино́р помнит, какое впечатление он произвел на нее. В груди что-то жарко запульсировало; слова, которые она печатала, расплавились и потекли по странице. У нее по сей день сохранились ощущение ласкового весеннего ветерка, дувшего из открытого окна, и шум уличного движения по Хорс-Гардс-авеню. Его пристальный взгляд буквально давил на нее, когда она, с покрасневшими щеками, безуспешно пыталась сосредоточиться на работе. Краешком глаза Элино́р видела, как из нагрудного кармана капитан достал записную книжку и авторучку, затем, наморщив лоб в раздумье, начал писать. «Может, он поэт?» – подумалось ей тогда. Или подготавливается к беседе с генералом.

– «Ябло́к зеленых купить обещал он», – вдруг затягивает Мейбл, глядя на Элино́р. – Мама, я правильно пою эту песню?

– Да, дорогая, – рассеянно бормочет Элино́р.

Когда Эдвард скрылся за дверью кабинета бригадного генерала, Элино́р обнаружила, что у нее сильно бьется сердце, на коже выступил пот, а дыхание стало хриплым. Через какое-то время он снова выйдет в приемную. Сознывая это, Элино́р поправила волосы, разгладила блузку и пощипала себя за щеки для появления румянца. Ей показалось, будто прошел не один час, прежде чем он вышел. Элино́р сознавала всю нелепость положения. Ну кто она? Обыкновенная девушка-секретарша. А он военный, мужчина намного старше ее. Должно быть, ему лет тридцать или даже все тридцать пять. Ей же всего девятнадцать! Вдобавок еще и сирота с сестрой на руках. Такой умный, уверенный в себе, храбрый и обаятельный мужчина, как он, не найдет в ней ничего интересного.

Он вышел, повернулся.

– Удачи вам во всем, – сказал бригадный генерал и так энергично пожал Эдварду руку, что у самого задрожали усы.

«Он из временных джентльменов», – догадалась Элино́р. Так называли тех, кого во время войны призывали на офицерскую службу. Теперь он демобилизовался и вернется к своей прежней профессии. «К какой?» – задавалась вопросом Элино́р, не в силах отвести взгляд от бравого капитана, который вот-вот покинет приемную. Прежде чем надеть фуражку, он повернулся к ее столу. Его лицо озарила теплая, удивительная улыбка. Проходя мимо, он положил возле машинки сложенную записку. Бригадный генерал, конечно же, ничего не заметил, поскольку явно думал о сотнях других временных джентльменов, которых ему предстояло демобилизовать в ближайшие дни.

Сегодня, в шесть вечера, я буду в кафе «Брю» на углу Уайтхол-плейс. Не могли бы Вы встретиться со мной за чашкой чая? Смело Вас заверить: мое приглашение является чисто профессиональным.

Искренне Ваш, Эдвард Хэмилтон

После чтения записки у Элино́р снова забилось сердце.

Лязгая ключами, Тед запирает почтовый ящик и пристраивает разбухшую сумку в корзину на велосипедном руле. Он поворачивается к Элино́р, прикладывает руку к фуражке, словно хочет проститься, но вдруг бросает взгляд за ее спину и громко вскрикивает. Руки почтальона выпускают руль, велосипед шумно падает на землю, письма вываливаются из сумки. Глаза Теда широко распахнуты, рот открыт от изумления. Он указывает на что-то, происходящее под деревом.

Элино́р в недоумении оборачивается.

Мейбл! Собранные прутики разлетелись в стороны. Дочь сидит на пыльной земле, лицо искажено гримасой, глаза ввалились. Подбородок малышки опускается на грудь, потом еще раз, ее ручки дергаются.

От ужаса ноги Элинора словно приросли к земле. Ее дочь выглядит одержимой, милое выражение лица исчезло, сменившись отвратительной гримасой. Первым очухивается Тед. Он медленно идет к Элинора, протягивая руки.

– Что с ней такое? – спрашивает почтальон. – Что происходит?..

Его слова выводят Элинора из ступора, и она бросается к дочке.

– Мейбл! – Она подхватывает малышку на руки.

Та не реагирует.

– Мейбл! – вскрикивает Элинора.

«Что же с ней творится?» – в страхе думает Элинора. Кажется, прежняя Мейбл куда-то исчезла, а ее тело заняло странное существо. У Элинора гудит в голове, паника сжимает ей горло. Она дает Мейбл пощечину. Сильную. Она готова на что угодно, только бы прогнать с лица дочери эту дьявольскую гримасу, это запредельное выражение глаз.

– Может, за доктором сбегать? – слышит она голос Теда, ощущая его руку на плече.

И вдруг лицо Мейбл становится прежним. Глаза останавливаются на Элинора: затуманенные, полные замешательства. Сердце Элинора отчаянно бьется, она прерывисто дышит. Земля содрогается у нее под ногами.

– Все хорошо, – шепчет она Мейбл на ушко. – Все в порядке, – повторяет она, отряхивая пыль с волос и платья дочери.

– Миссис Хэмилтон?

Элинора поднимает голову и видит встревоженное лицо Теда.

– Я спросил, может, за доктором сбегать?

Элинора вновь поворачивается к дочери, которая засунула в рот большой палец и сосредоточенно его сосет.

– Не надо, – отвечает она, а в голове нет ни одной четкой мысли, почему малышке не нужен врач. – С ней все в порядке. Даже не знаю, что это было. Она...

– Ку-и-и! Элинора!

Это Роуз.

У Элинора дрожат ноги. Она выпрямляется и поворачивается в сторону младшей сестры, которая уже покинула перрон и теперь поднимается к ним по склону холма. Роуз широко улыбается из-под гибких полей соломенной шляпки: розовощекая и такая красивая. Образец совершенства. Сестра быстро идет в их сторону и машет рукой. В другой руке она держит чемодан.

Мейбл ерзает в материнских руках и указывает на Роуз.

Элинора вновь поворачивается к Теду:

– Не беспокойтесь. Мейбл хорошо себя чувствует. Вчера она легла спать позже обычного. Да и устала на жаре, пока ехали сюда. Вот и решила устроить нам маленькое представление. Вы же знаете детей! Мне так неловко, что у вас выпали письма. Мы вам поможем их собрать.

– Я и сам соберу, – отвечает Тед. – Ну раз с вашей малышкой все в порядке...

Судя по его лицу, сам он в этом сомневается.

– Пожалуйста, не волнуйтесь, – повторяет Элинора. – Мейбл в полном порядке. И незачем... совершенно незачем рассказывать об этом кому бы то ни было.

Тед кивает и наклоняется за упавшим велосипедом. Он прислоняет своего железного коня к дереву и принимается собирать разлетевшиеся письма.

– Уже забыл, – говорит он, быстро улыбнувшись Элинора.

Роуз переходит улицу. Последние ярды она пробегает и, бросив чемодан, устремляется к старшей сестре. Шелестит ткань ее красивого хлопчатобумажного платья. От Роуз пахнет цве-

тами. Смеясь, она заключает Элинора в объятия. Мейбл протискивается между ними. Паровозный свисток, доносящийся со станции, заставляет их разомкнуть руки. Над паровозом взвивается облако пара. Уши Элинора наполняются натужным лязгом вагонов трогającego поезда. Мейбл слишком тяжелая, и Элинора осторожно опускает дочку на землю.

– Ох, Роуз! До чего же я рада тебя видеть! Даже не слышала, как подошел поезд!

– И я рада, моя дражайшая Элинора. А как там моя любимая племянка? – Роуз нежно щиплет щеки Мейбл, и девочка застенчиво прячет голову в подол материнского платья. – Как же ты выросла! – Роуз поворачивается к Теду, продолжающему собирать рассыпавшиеся письма. – Что у вас случилось? Вам помочь?

– Благодарю вас, все в порядке. – Он склоняется над почтовой сумкой. – Пострадал от собственной оплошности. Рад вашему возвращению, мисс Кармайл. Сколько же вы отсутствовали?

– Целых девять месяцев! – со смехом отвечает она. – Можете поверить?

– Добро пожаловать в родные края, – говорит Тед, собирая последние письма. – Ладно, двинусь дальше.

– Да. Тед, спасибо за помощь.

– Надеюсь, с ней все в порядке, – еще раз произносит почтальон и озабоченно косится на Мейбл. – Прекрасного дня вам обеим.

– Счастливо, Тед!

Он перекидывает длинную ногу через велосипедную раму, сгибает колени, чтобы не задеть выпирающую сумку с почтой, и уезжает.

Элинора отстраняется, разглядывая сестру.

– Как ты замечательно выглядишь! – с улыбкой говорит она.

Роуз пополнела. Она буквально пышет здоровьем. Ее голубые глаза лучатся, на щеках румянец. Эдвард без труда найдет ей подходящего мужа.

Элинора наклоняется за чемоданом, оставленным сестрой.

– Забирайся в двуколку, и едем домой. Полагаю, миссис Беллами уже приготовила нам торт «Виктория» с начинкой из клубничного джема. Как ты любишь, Мейбл. И Роуз тоже.

Малышка облизывает губы и чешет живот.

– Вкуснятина, – говорит она. Ее недавняя оторопь прошла столь же быстро, как и появилась. – Я люблю клубничный джем.

Совершенно нормальная детская речь. Никаких запинок. Может, ужасный эпизод ей просто привиделся? Не будь рядом Теда, она бы убедилась в этом.

– Я тоже люблю клубничное варенье. – Роуз улыбается племяннице. – Видишь? У нас с тобой одинаковые вкусы.

Мейбл вкладывает свои пальчики в обтянутую перчаткой ладонь тетки.

– Как здорово вернуться домой! – восклицает Роуз, усаживаясь в двуколку.

Элинора трогает поводья. Дилли разворачивается и пускается в обратный путь к Брук-Энду. Мейбл усаживается между матерью и теткой.

– После путешествий тебе понадобится заново привыкать к тихой старой Англии, – говорит Элинора.

– Конечно, но я скучала по родным местам. И по тебе, дорогая Элли. Прежде мы если и расставались, то всего на несколько недель. – Она улыбается. – Однако... Париж и в самом деле удивителен. Как щедро было со стороны Эдварда отпустить меня в путешествие!

– И тебе оно пошло на пользу? – с напускной серьезностью спрашивает Элинора. – Ты превратилась в шикарную говорливую парижанку? Эдварду захочется увидеть результаты его щедрости.

– Придется отдать себя на его суд, – смеется Роуз.

Отдохнувшая Дилли пускается рысью. Элино́р смотрит на профиль сестры. Роуз и в самом деле вся светится. Месяцы, проведенные в Париже, и недели путешествия по Италии явно пошли ей на пользу.

Сестры умолкают, убаюканные негромким цокотом копыт Дилли, чья гладкая шкура то озаряется светом, то тускнеет при переходе от открытых участков дороги к затененным. Между тем солнце постепенно клонится к закату.

Теперь, когда Роуз сидит рядом, тайна Элино́р бурлит и поднимается, словно горячий воздух. Ей не удержать это в себе. Она чувствует, что поступит очень даже правильно, если поделится первым делом с Роуз.

– Роуз... – шепчет Элино́р над головой Мейбл. – У меня есть новость.

Глаза Роуз понимающе округляются.

– Ого! В самом деле? И каков... Слушай, ты хорошо себя чувствуешь?

Лоб сестры тревожно морщится. Неудивительно, что после трех выкидышей она встречает новость с некоторой настороженностью.

Элино́р чувствует, что ее глаза наполняются слезами, и тоже улыбается:

– Три месяца. На этот раз врач уверен. Н-но мне никак не побороть страх. Я даже Эдварду еще не говорила. Не хочу искушать судьбу.

Роуз тянется к Элино́р и крепко сжимает ее плечи:

– Раз врач говорит, что все будет в порядке... Что ж, тогда это замечательная новость. В прошлые разы ты не могла преодолеть двухмесячный рубеж. Или два с половиной.

– Да, знаю. И тем не менее... Трудно не волноваться.

– Конечно, – соглашается Роуз. – Это вполне понятно. Но ты должна следить за собой. Никаких волнений и чрезмерных нагрузок. – Она грозит сестре пальцем.

– Постараюсь.

– Мама, а что такое волнения и чрезмерные нагрузки?

Мейбл во все глаза смотрит на мать, надеясь включиться во взрослый разговор.

– Это значит, что мама не должна слишком уставать и расстраиваться.

– А почему?

– Позже поговорим, – шепчет сестре Элино́р и наклоняется к Мейбл. – Просто маме нельзя слишком уставать и допускать, чтобы у нее болела голова.

– У меня голова болит, – заявляет Мейбл.

– Слушай, а что произошло перед самым моим появлением? – Роуз явно пытается сменить тему разговора. – Почему Тед тебя спрашивал, все ли в порядке с малышкой?

– Это... – Элино́р чувствует, как радость медленно покидает ее, словно воздух из развязанного воздушного шарика. – Просто Мейбл...

Что ж это было? Ей не подобрать слов для описания случившегося.

– Так, ничего особенного, – наконец произносит Элино́р, глядя на дочку. На лице малышки ни малейших тревожных признаков. – С ней все в порядке.

Дилли минует каменные столбы ворот, за которыми тянется широкая дорога, ведущая к широкому эдвардианскому фасаду Брук-Энда. День с его яркими красками погас. Элино́р охватывает тягостное чувство. Оно накрывает ее, словно нежданное влажное облако.

Глава 2

Эдвард

Поезд, который должен был прийти в Мейфилд в 18:40, опоздал. Эдвард выходит из вагона и сразу погружается в липкий воздух. Помахивая портфелем, он идет к ожидающему его автомобилю. «Никак гроза собирается?» – думает он. Обычно здесь, среди сочной зелени Суррейских холмов, царит прохлада и можно забыть про духоту, дым, копоть и сутолоку Лондона. За городом человек может дышать в полном смысле слова.

Но этим вечером рубашка Эдварда намертво прилипла к спине. Пот катится у него по вискам. Подмышки тоже все мокрые. Он торопливо снимает пиджак и вешает на согнутую руку.

Завидев Эдварда, Уилсон приветливо машет ему рукой. Шофер курит, прислонясь к капоту «санбима». При виде своей новой машины сердце Эдварда наполняется ликованием. Кремовый корпус автомобиля сверкает. Салон, отделанный черным, современный и удобный. В выходные они вдвоем с Элинор отправятся кататься. Эдвард улыбается, представляя поездку: ветер, ударяющий им в лицо, волосы жены, аккуратно уложенные под шляпкой, которую она придерживает одной рукой, чтобы не унесло. Прохожие, разинув рот, смотрят им вслед.

– Добрый вечер, сэр, – здоровается Уилсон, гася окурок и прикладывая два пальца к своей шоферской фуражке.

Эдвард проводит рукой по блестящей поверхности машины, открывает пассажирскую дверь, легко взбирается на подножку и оказывается в салоне.

Уилсон заводит мотор, и машина оживает.

– Успешная была неделя, сэр? – весело спрашивает Уилсон, мастерски вырвав за пределы станции.

Эдварду еще нужно приноровиться к управлению машиной. Уилсон умеет водить ее плавно, а когда руль оказывается в руках Эдварда, она взбрыкивает, как норовистая лошадь. Только вместо недовольного ржания машина протестующе скрежещет и верещит.

– Да. Отличная неделя. – Эдвард откидывается на спинку. – Очень успешная.

Машина уже едет по дороге к дому. Возникает многозначительная пауза, словно Уилсон ждет объяснений, почему хозяин целую неделю провел в лондонской квартире. Обычно Эдвард старается на буднях хотя бы дважды побывать дома.

– Я прочитал серию полуденных лекций в Куинс-Холле, – сообщает Эдвард; Уилсон молчит. – Вы знаете это место на Лангем-плейс?

– Конечно, сэр. Это концертный зал.

– Вот-вот. Там я и выступал. Большое престижное заведение.

– Рад слышать, сэр, что ваши выступления прошли успешно. А тема была интересной?

– «Наследственность и поток жизни».

– О-о... обширная тема, надо сказать. Слушателей много было?

– Самое приятное, Уилсон, что да. Каждый день – аншлаг!

– Вы теперь, сэр, стали знаменитостью, – улыбается Уилсон.

Эдвард задается вопросом, не перешел ли Уилсон границу, отделяющую искреннее восхищение от сарказма. Он решает принять слова шофера за чистую монету.

– В основном приходили такие же ученые, как я. Но помимо них было много и других слушателей. Лекции стали событием международного масштаба. Съехались специалисты со всего земного шара, желающие побольше узнать о евгенике. Америка. Франция. Скандинавия. Германия. Присутствовали члены парламента и министры.

Каждый день приносил успех. Осмелится ли он сказать – триумф? Среди слушателей было не менее пяти членов парламента, а также весьма известные в обществе леди и джентль-

мены, настолько воодушевленные его рассказом, что они организовали залоговый фонд и вступили в Евгеническое общество.

Эдвард поворачивается к окну и смотрит на окрестные поля в надежде, что вопросы прекратятся. Кому хочется вести учтивую беседу со своим шофером?

– Мне надо хорошенько отдохнуть за выходные, – говорит он, вздыхая. – Нынешний вечер знаменует собой конец напряженной, изматывающей недели.

– Конечно, сэр.

Эдвард отдирает рубашку, прилипшую к груди.

– Как думаете, вечером будет гроза?

Лучше всего сменить тему разговора. Уилсон родился в сельской местности. Такие люди – «соль земли» – чувствуют изменения погоды. Например, их садовник Гарсон предсказывает дождь за сутки. Даже повариха миссис Беллами знает, какая погода будет завтра – солнечная или дождливая. Свои прогнозы она делает, поглядывая на розовую кайму облаков вечером или рано утром, а также по поведению коров – лежат те на земле или стоят.

На прямом участке дороги Уилсон прибавляет скорость. Он управляет машиной с такой легкостью, что мотор «санбима» вздрагивает от наслаждения.

– Я бы сказал, сэр, что да, – отвечает Уилсон, вынужденный говорить громче из-за возросшего шума мотора. – Эта невыносимая жара когда-нибудь должна закончиться. Земля рас- трескалась. Хороший ливень пойдет ей только на пользу.

– Поверьте, в городе еще хуже.

Ветер приятно овеивает разгоряченную кожу Эдварда. Кажется, что ее протирают прохладной мокрой тряпкой.

А впереди уже показались ворота Брук-Энда. Как быстро! От станции до дома не более двух миль. На мгновение Эдвардом овладевает безумное желание сказать Уилсону, чтобы ехал дальше, чтобы не кончалась эта освобождающая, детская радость, охватившая его. Радость от самого пребывания здесь, от быстрой езды на новом автомобиле, когда ветер треплет волосы и свежий деревенский воздух наполняет легкие.

По мнению очень и очень многих, Брук-Энд считается большим домом. Конечно, это не величественный особняк, но просторная, элегантная четырехэтажная вилла, возраст которой едва насчитывает двадцать лет. Достойная резиденция для уважаемого члена верхнего среднего класса, у которого растет семья, а еще быстрее растет репутация эксперта в области психологии и образования. Своего рода визитная карточка. Ученому человеку куда больше подходит современное жилище. Вне всякого сомнения, Эдвард мог бы выбрать особняк с богатой историей, пожелай он этого. Как только состоялась его помолвка с Элиной, он сразу же занялся активными поисками подходящего загородного дома для будущей жены. Он хотел подарить ей самое лучшее в пределах своих возможностей, особенно после всего, через что ей пришлось пройти, и учитывая ее происхождение из добропорядочной профессиональной семьи. Ее отец был финансистом лондонского Сити. Элина росла в достатке, пока гибель ее братьев на войне, а затем и смерть отца не привели семью к стремительному обнищанию, заставив Элину вместе с матерью искать работу.

Пять лет назад хватало поместий, продающихся дешево, но персональные банкиры Эдварда Коулрой и Мак, владеющие одноименным банком, отговорили его от подобного приобретения. Их финансовое чутье, их предвидение относительно британской экономики и возрастающего налогового бремени, которое придется нести состоятельным землевладельцам, оправдались.

Пусть аристократия распродает свои родовые гнезда и вкладывает деньги во что угодно. Эдвард счастлив, что не повесил на себя их налоговые гири, не говоря уже о социальной и экономической ответственности, от которой все они торопятся освободиться. Нет, Эдвард благо-

дарит себя за мудрость, позволившую ему не попасться в эту ловушку. Возможно, некоторые считают его нуворишем или, как однажды назвал его Бартон Лейтон, состоятельным выскочкой. Дело не в этом. Владеет он старинным поместьем или нет, люди из светского общества все равно будут высокомерно морщить на него свои аристократические носы. Но в отличие от Бартона, постоянно стенающего о расходах, которые приходится нести, чтобы удержать его Мейфилд-Мэнор от обрушения, Брук-Энд требует минимум ухода, зато достаточно просторен, расположен в прекрасном месте и имеет современные удобства. И потом, Элино́р, вышедшая из куда более высокого социального слоя, нежели Эдвард, вполне удовлетворена их домом. Во всяком случае, он не слышал от нее ни одной жалобы.

– Добрый вечер, сэ́р, – здорова́ется с ним у входа горничная Э́лис.

– И вам, Э́лис, добрый вечер, – отве́чает он, заметив, что ее круглое веснушчатое лицо покраснело от волнения.

– Сегодня миссис Хэмилтон ездилa на станцию встречать мисс Карма́йкл! – выпаливает горничная. – Как здорово, что она вернулась! Уже успела рассказать нам о своем путешествии по Ита́лии. Я заслушалась. А по-фра́нцузски она говорит как настоящая францу́женка.

– В самом деле? И что же она вам говорила?

– Понятия не имею. Она вполне могла сказать, что я английская королева. Но звучало так красиво. Просто музыка.

– Так-так, – снисходительно улыба́ется Эдвард. – А где наши дамы сейчас?

– Наверное, переодеваются к обеду. Его подадут через пятнадцать минут.

– Превосходно. Мне как раз хватит времени умыться и переодеться.

Поднимаясь по лестнице, он замечает, насколько пуст дом без собаки. Без собаки в доме нет уюта. После кончины Пэтча прошло больше месяца. Надо поискать замену.

– Дорогой!

Вот и она, стоящая с простертыми руками на площадке. Э́лино́р. Его прекрасная жена.

Эдвард пробегает оставшиеся ступеньки, подхватывает жену и заключает в объятия.

– Как же я по тебе соскучился! – говори́т он, вдыхая аромат ландышей, исходящий от Э́лино́р.

Он поднимает ее и начинае́т кружить, отчего она вскрикивает и хихикает:

– Эдвард! Отпусти меня!

– Ни за что!

– Уфф! У меня голова кружится! Нас могут увидеть!

– Ну и пусть, – смеется он, опуская ее на пол.

– Иди умойся и переоденься, – с улыбкой говори́т Э́лино́р. – Ты пропах Лондоном.

– Да неужели? И на что похож этот запах?

– На запах старых башмаков! – смеется она. – Смой его и побрызгайся одеколоном, который я тебе подарила на день рождения. Это сразу исправит положение! – Послав мужу воздушный поцелуй, Э́лино́р устремляется вниз. – Нужно переговорить с миссис Беллами, пока она не угробила суп!

Во время обеда слышатся первые раскаты грома, заглушая стук посуды и звон рюмок.

– Неужели гром? – Роуз смотрит через плечо в окно на сад, тону́щий в сумерках. – У нас в Венеции была просто ужасная гроза. Струи дождя были толщиной с ковровые прутья на лестнице. Я не сомневалась, что всех нас смое́т, если вначале мы не станем жертвами молнии. Наш смешной маленький пансион находился на самом верхнем этаже ветхого старого дома. – Роуз подбирает крошку хлеба и отправляет в рот, жуя и надувая щеки, как мышь. – Чтобы успокоить наши нервы, престарелой хозяйке пришлось налить мадам Марте́н и нам с Клариссой несколько бокалов «Москаделло». Слышали бы вы, как мы пиццали! – добавляет Роуз и смеется, вспоминая тот эпизод.

– Здесь ты в полной безопасности, – говорит Элино́р. – И причин для успокоения нервов нет.

Она делает большой глоток воды, подкрепляя свои слова.

Роуз лишь пожимает плечами и отправляет в рот еще одну хлебную крошку.

Эдвард мысленно делает вывод: теперь, когда Роуз вернулась, он сможет почаще удалиться в свой кабинет, дабы избежать довлеющего женского общества. Он вовсе не против женского общества как такового, но, когда нарушено равновесие, у мужчины должен быть свой укромный уголок. Женитьба на Элино́р означала, что ему придется заботиться не только о жене. Круг его обязанностей оказался гораздо шире, и Эдвард охотно и с радостью пошел на это. Роуз превратилась в обаятельную девушку. Несомненно, она станет для кого-то достойной женой.

В окно начинает барабанить дождь. Гром грохочет все ближе.

– Если к воскресенью погода улучшится, как насчет пикника на речном берегу? – спрашивает Эдвард, шумно втягивая воздух. – Надо же отпраздновать благополучное возвращение Роуз. – Он улыбается ей и поднимает рюмку.

Сияющая Роуз поднимает свою. Потом опускает и подносит к губам суповую ложку. Эдвард внимательно наблюдает за ней. Такая же сияющая и полная энергии, она, завершив обучение, умоляла Элино́р отпустить ее в Париж для усовершенствования во французском языке. Эту идею ей внушил преподаватель Блофилдской школы для юных леди, который долго распинался перед Элино́р, говоря, что у ее младшей сестры особый талант к иностранным языкам и было бы непростительно зарыть этот талант в землю. Сама Роуз была исполнена решимости.

Эдвард делает глоток кларета.

Роуз и в самом деле привлекательная девушка, хотя довольно упрямая и излишне самоуверенная. Конечно, ей не тягаться со старшей сестрой по части привлекательности. Стоит Элино́р войти в чью-то гостиную, к ней и сейчас обращаются взгляды собравшихся. Если Элино́р склонна к излишним размышлениям и готова нести на своих плечах тяготы всего мира, Роуз обладает несомненной *joie de vivre* – жизнерадостностью, которая компенсирует особенности ее характера. Отправляясь в путешествие, она была совсем худосочной, но теперь ее фигура обрела приятную женственность. Элегантная современная стрижка. Похоже, жизнь в Париже сделала ее *à la mode*².

– Эдвард, ты наверняка ее знаешь, – говорит Роуз, возвращая Эдварда к застойной беседе. – Элли, ты же с ней знакома? – (Элино́р кивает.) – Мой тебе совет, – продолжает Роуз, – не вздумай это читать! Жуть полнейшая! Скучища, старомодность. И каких, черт побери, женщин она там выставляет! Ну как может столь образованная женщина вроде нее написать книгу о жалких созданиях! Что же касается ее мужских персонажей, лучше меня не спрашивайте!

– О ком речь? – интересуется Эдвард. – О какой книге?

– О «Творении любви», написанной Мэри Кармайкл. Псевдоним заставил меня прочесть ее книгу. Не кажется ли вам, что это просто совпадение?

– Чей псевдоним? – Эдвард обращается к жене за подсказкой.

– Мэри Стоупс, – вздыхает Элино́р. – Знаешь, Роуз, ее роман «Творение любви», который она писала несколько лет, был по чистой случайности разгромлен критикой.

– Поделом, – отвечает Роуз. – Мне думается, когда ты в следующий раз ее увидишь, непременно отсоветуй ей писать романы.

– Мы с ней не в тех отношениях. Я не ее издательница и встречалась с ней только по работе Эдварда.

– Кто-то должен ей сказать, – бурчит под нос Роуз.

Элино́р хмуро смотрит на сестру:

² Модницей (*фр.*).

– Возможно, у нее куда лучше получаются нехудожественные книги. В этом году вышла еще одна, которая должна вызвать восхищение, а не жесткую критику. Книга называется «Продление страсти» и является продолжением ее предыдущей книги «Любовь в замужестве» и касается интимных отношений и...

– Да, Элино́р. Думаю, мы понимаем важность этой темы. Но не для разговоров за обеденным столом. – Эдвард ерзает на стуле, сознавая, что в столовой он единственный мужчина. – И потом, не следует забывать, сколько полезного делает эта женщина для мира. Она прикладывает столько усилий, чтобы планирование семьи стало доступным для тех, кто наименее приспособлен к обзаведению потомством. По-моему, это гораздо важнее ее рассуждений о том, что должно или не должно происходить между мужем и женой.

– То-то и оно! – восклицает Роуз, ударяя по столу левой рукой. – Она феминистка, человек прогрессивных взглядов, а ее роман посвящен совершенно заурядным супружеским парам.

– Феминистка? – удивляется Эдвард. – В таком случае полагаю...

– Если тебе хочется почитать что-нибудь свеженькое и непохожее на ее занудство, – перебивает его Роуз, – я бы посоветовала «Колодец одиночества» Холл. Куда более рискованная вещь! Это о паре лесб...

– Роуз! – шипит Элино́р, и обе прыскают со смеху.

В это время в столовой появляется Элис.

Воротник рубашки чрезмерно сдавливает Эдварду шею. В столовой вдруг делается невыносимо жарко. Что Роуз знает о сексуальных извращениях? Нет, пора искать этой девице мужа. Элис молча убирает его пустую суповую тарелку и ставит другую, с кусочками жареной курицы.

– Желаете картошки? – предлагает Элис, вернувшись с миской и сервировочными ложками.

Эдвард кивает. Служанка кладет ему несколько маленьких, идеально круглых свежих картофелин, щедро смазанных маслом. Он добавляет себе из миски порцию зеленой фасоли и морковь.

– Давайте на следующие выходные позовем гостей из Лондона. Как раз есть повод – возвращение Роуз.

Роуз и Элино́р обе замолкают и смотрят на него.

– Эдвард, я думала, ты не любишь приглашать гостей сюда. – Элино́р пристально глядит на мужа. – Обычно ты говоришь, что сбегаешь в Брук-Энд от людей.

– В общем-то, да... Обычно так оно и есть. Но не пора ли нам ввести Роуз в приличное общество?

Глаза Элино́р вспыхивают под светом электрической люстры. Какие же они удивительно манящие. В этом свете они кажутся почти фиолетовыми. Эдвард в тысячный раз спрашивает себя: как ему удалось заполучить в жены столь редкое создание? Каким счастливец оказался он, придя тогда в Военное министерство оформлять демобилизацию и встретив ее за секретарским столом. Он приложил все усилия, чтобы заинтересовать ее работой у него. В записке он написал, что приглашение является чисто профессиональным. Здесь он немного слукавил, хотя, как потом выяснилось, Элино́р стала просто блестящей ассистенткой в его работе. Так продолжалось три года, пока наконец он не набрался смелости и не сделал ей предложение. По правде говоря, он ее не заслуживает, но он давно научился выталкивать подобные мысли из головы.

Роуз бросает вилку. Никак и глаза выпучила?

– У меня предостаточно друзей, – возражает она. – Я не хочу, чтобы меня знакомили с какими-то напыщенными...

– Тебе нужен муж, – перебивает ее Эдвард, и она умолкает.

Если он вынужден брать на себя роль отца Роуз, как Элино́р взяла роль матери, пусть будет так. В свои сорок три он по возрасту действительно годится ей в отцы, хотя эта роль

ему явно не подходит. Но Роуз должна понять, что не может вечно развлекаться, странствуя между Парижем, Венецией, Римом и Лондоном. Ее необходимо выдать замуж, что пойдет ей на пользу, а это, в свою очередь, благотворно скажется и на нем, если она найдет себе кого-то.

– Думаю, поздновато приглашать лондонских гостей на следующие выходные. Если хочешь, давай соберем местных на теннисную вечеринку, – рассудительно предлагает Элино́р. – Естественно, Лейтонов. А как насчет Тейлоров и Блайз-Этерингтонов? Или лучше Миллеров? Роуз, ты бы хотела поиграть в теннис с Айрис Миллер и дочерьми Барта Лейтона?

– Да! Теннисная вечеринка – это было бы здорово. Может, и Кларисса выберется из Лондона?

– Почему бы нет, – соглашается Элино́р. – Я могла бы пригласить и Софи с Генри. Но при условии, что ты не будешь безостановочно говорить об Италии и нагонять на гостей тоску.

– В Италии нет ничего тоскливого.

– Для тех, кто там побывал.

Дождь еще сильнее барабанит по оконным стеклам. Гром подобрался совсем близко. Элис убирает тарелки после десерта. В этот момент ослепительная вспышка молнии озаряет сад. Электричество мигает и гаснет. И тут же оглушительно и неожиданно гремит гром. Женщины с криком бросаются к окну. Новая вспышка озаряет не только сад, но и окрестные поля.

Элис отправляется за газовыми лампами и приносит две. Следом за ней входит мисс О'Коннелл, няня Мейбл, держа на руках дрожащую от страха малышку.

– Простите за вторжение, сэ́р, – говорит мисс О'Коннелл, и губы ее кривятся, будто ей неприятно это говорить. – Ребенок никак не уgomонится. А тут еще эта гроза, свет погас и все такое. Кричала, что хочет к маме. Пришлось принести ее сюда.

В певучем ирландском акценте мисс О'Коннелл есть что-то гипнотическое. Ее негромкий голос не вяжется с ее обликом. Она женщина крупная. «Крепкокостная», – слышится Эдварду голос покойной матери, когда он смотрит на няню. Широкая талия, внушительный бюст, курносый нос и изогнутые брови.

– Ничего страшного, мисс О'Коннелл, – отвечает Элино́р.

Она встает из-за стола и подходит, собираясь взять дочь на руки.

Полное имя няни – Грейс О'Коннелл. «Тоже странно», – думает Эдвард. Чего-чего, а грациозности³ мисс О'Коннелл лишена напрочь.

– Я сейчас ее успокою и уложу спать. А вы можете поужинать.

На лице няни написано облегчение. Напряжение спадает с ее лица, губы складываются в улыбку. Повернувшись, она уходит из столовой.

Мейбл цепляется за мать и озирается своими огромными сине-черными глазами.

– Привет, малышка, – говорит Эдвард, тянется через стол и гладит дочь по волосам, мягким и тонким, как шелковые нити. – Гром не причинит тебе вреда. Это всего лишь шум.

– А няня говорит, что это Бог на небесах гневается на плохих людей. Он кричит на них и замахивается большим-пребольшим молотом, если внутри тебя есть зло, как у меня иногда бывает, – говорит Мейбл, продолжая дрожать. – Это Бог погасил свет.

– Мейбл, какую чепуху ты повторяешь?! – возмущается Эдвард. – И о чем только думает эта няня, заполняя твою головку подобной ерундой!

Элино́р кривит губы и качает головой.

– Мама, я что, плохая? – спрашивает Мейбл. – Это из-за меня свет погас?

– Нет, Мейбл! Ни в коем случае. – Элино́р выразительно смотрит на мужа и берет пухлую ручонку дочери. – Папа прав. Гром – это всего лишь звук молнии, мелькнувшей на небе. Он не сделает тебе ничего плохого. Утром я серьезно поговорю с няней, чтобы больше тебя не пугала.

– И зачем только она пугает бедняжку Мейбл? – включается в разговор Роуз.

³ В переводе с английского это имя означает «грациозность», «изящество».

Неожиданно гром грохочет снова. Мейбл зажимает уши и громко вопит. От молний в столовой на мгновение становится светло, как днем.

– Пойдем, я уложу тебя в кроватку, – осторожно предлагает Элино́р, опуская дочь на пол.

– Давай я ее уложу, – вызывается Роуз; она берет лампу и ведет Мейбл к двери. – Обещаю: завтра свет починят. А я положу тебя в теплую кроватку, где до тебя не доберется никакой гром, и посижу с тобой, пока ты не уснешь. Хочешь послушать сказку? Или спеть тебе колыбельную? Чего ты больше хочешь?

– Колыбельную, – отвечает довольная Мейбл, позволяя увести себя из столовой.

Гроза выдохлась. Эдвард курит на террасе. Во влажном воздухе терпко пахнет землей. К запаху земли примешивается сильный пряный аромат жасмина, кусты которого растут под террасой. Ливень смыл жаркий липкий воздух. Дневной зной сменился приятной прохладой. Роуз и Элино́р уже легли, и Эдвард наслаждается покоем и уединением.

Докурив сигарету, он поднимается по лестнице и тихонько стучится в дверь комнаты Элино́р. Недельная разлука, скопившееся электричество, высвобожденное грозой, а также потребность отвлечься только усилили желание Эдварда.

На ней кремовая ночная сорочка без рукавов. Ткань сорочки дразняще прозрачная.

– Дорогая, – говорит он, обнимая ее, и его ладони скользят по шелковистой коже, – я так по тебе соскучился!

Он приподнимает ей подбородок, чтобы видеть лицо, и целует в теплые податливые губы. Элино́р отвечает коротким поцелуем, затем отталкивает мужа, но при этом улыбается. Ее щеки пылают.

– Эдвард! – Она стискивает его руку. – Я целую неделю жаждала поговорить с тобой наедине.

Он вновь тянется к ней, крепко прижимает и легонечко, как она любит, целует в шею. Но жена отталкивает его, и он смеется этой странной игре, которую она затеяла.

– Нет, – твердо произносит Элино́р, выворачиваясь из его объятий. – Ты должен выслушать. Садись.

Она подводит мужа к кровати, где он садится, прижимаясь к ней, и гладит его по руке.

– У меня есть самая замечательная новость. – Элино́р кокетливо смотрит на него из-под ресниц, покусывая губу.

– Давай говори, – смеется он, отводя прядку волос с ее щеки. – Не держи меня в напряжении.

– А сам догадаться не можешь?

Он затаивает дыхание:

– Смею ли я надеяться?

– Да. Я всерьез считаю, что на этот раз мы сумеем!

– Ты уже побывала у врача?

– Побывала. Он уверен, что я нахожусь на четвертом месяце. У меня отвратительное самочувствие, и он считает это очень хорошим знаком. Невероятно! Чем сильнее тошнота, тем лучше.

– И ты все это время молчала.

– Не хотела давать тебе неоправданных надежд и искушать судьбу. И потом, я сама только на этой неделе окончательно уверилась, что беременна.

Эдвард целует ее. Нежно, с благодарностью. И Элино́р его не отталкивает.

– Я знаю, мы давно не... Но врач сказал, по соображениям безопасности мне нужно избегать... Ну ты понимаешь. Потому что те три раза... Эдвард, надеюсь, ты не возражаешь? Прости, пожалуйста. Я бы не хотела рисковать.

Возражает ли он? Конечно возражает.

– Я даже не мечтал, – говорит он и осторожно касается ее живота. – Ребенок – самое важное. Это поистине замечательная новость. – Он пристально заглядывает ей в глаза. – Я счастливее любого мужчины на свете. Честное слово. – Сейчас он действительно сказал правду. – Ты должна отдыхать.

Эдвард вздыхает и гладит ее по коленке. В неярком свете газовой лампы она красивее, чем прежде. У него щемит сердце.

– Эдвард, оставайся.

– Нет. Тебе будет лучше спать одной. Я прекрасно посплю у себя в комнате, – лжет он.

Когда Элинон рядом, у него не бывает плохих снов. Но сейчас самое правильное – обеспечить ей надлежащий отдых. После рождения Мейбл у Элинон было три выкидыша на сроке около двух месяцев. Потеря каждого ребенка становилась для нее чудовищным ударом. У Эдварда все сжимается внутри при мысли, что трагедия могла бы повториться, особенно по его вине. «Пусть этот ребенок удержится в чреве, – думает он. – Пусть это будет мальчик. Здоровый мальчик».

Возможно, рождение здорового сына навсегда избавит его от дурных снов и разгонит докучливые тени.

I

Разрешите представиться. А может, мы уже знакомы? Такое вполне возможно. Болезней вроде меня трудно избежать. До поры до времени я прячусь в тени, чтобы в один прекрасный день проявиться. Это начинается с легкого прикосновения. Оно – словно перышко, словно едва уловимое касание крылышка мотылька или такое же едва уловимое дыхание новорожденного. Затем, подобно разворачивающемуся листу, я набираю силу и обретаю облик. Я становлюсь незваной гостьей, вползающей через темные расщелины в разуме близкого вам человека.

Поначалу меня отрицают, считая проявлением чего-то другого. Для меня подобное ухищрение является неотъемлемой частью игры.

Вы меня видите?

Вот я, прячущаяся за отсутствующим взглядом, под обвисшей щекой. Рот сам собой раскрывается, и оттуда вытекает струйка слюны.

Наконец вас ударяет понимание, что это такое, и вы осознаёте: это я – Эпилепсия!

Потом вы хмуритесь. Кривите губы, наклоняете голову. Вас охватывает ужас.

Вы сочувственно дотрагиваетесь до руки вашего близкого; этот жест красноречивее тысячи горестных слов. Вы сжимаетесь и съеживаетесь; вы ощущаете необходимость держаться подальше, на случай если это заразно.

Вы стыдитесь, а затем пытаетесь это скрыть.

Далее, каким бы ни был вред, причиненный мною, вы причиняете гораздо худший вред. О да, с вашими умными мозгами и диковинными моральными принципами, вы, люди, мыслите себя выше животных, но в действительности вас разрывает на части не что иное, как ваша бесчеловечность.

Я понимаю, что движет вами. Никто не знает вас лучше меня, ибо мы идем рука об руку, как бы вы ни старались упорядочить мир и избавиться от меня. Рука об руку, хотя вы постоянно готовы выдернуть свою. От Достоевского до Гершвина; от Цезаря до Жанны д'Арк и Винсента ван Гога; от безвестных простолюдинов до королей и королевских детей. Не ищите в этом какой-то смысл. Вы не найдете утешительных причин. Мне все равно, богаты вы или бедны, молоды или стары, гений вы или простак. Выбор остается за мной.

Так кто же я такая, это порождение разума, которого вы так боитесь?

Я – антипорядок. Я – хаос. Я – нарушение привычности и беспокойство. Я – сила обмана. Непонятный шум. Странный вкус на языке. Яркая пульсация света. Запах адского пламени, калейдоскоп красок. Я нечто призрачное, сочетающее в себе ясность и распад. Вы увидите меня в подергивании руки, в резко опущенном подбородке. В искривленном рте, в судороге конечностей. В ощущении треснувшей головы и нескончаемого падения. Я здесь, за этими пустыми мертвыми глазами, за этим отрешенным выражением. Я суть кошмаров, уничтожительница памяти. Я одновременно вдохновение и галлюцинация. Созидание и разрушение. Стоит мне выпустить наружу мою силу, как ваш упорядоченный мир трещит по швам.

Но одно, друг мой, остается неизменным. Какую бы проделку я ни учинила, она ничто по сравнению с глупостью вашего вмешательства.

Идемте. Позвольте мне показать, куда способны завести ваши самонадеянность и глупость.

Глава 3

Элино́р

– Вы, случайно, не видели Роуз? – спрашивает у прислуги Элино́р, переходя из комнаты в комнату.

Солнце уже высоко в небе, а Роуз куда-то запропастилась.

После утренней прогулки на автомобиле с Эдвардом у Элино́р подкашиваются ноги и сводит живот. Он много чего умеет делать хорошо, однако вождение машины не входит в этот перечень. Одно дело, когда за рулем сидит Уилсон, и совсем другое, если руль оказывается в руках Эдварда.

В кухне миссис Беллами почти закончила ощипывать курицу. Куриная тушка лежит на столе: розовая и чем-то похожая на пупырчатого младенца. Элино́р чувствует тошноту. Она быстро отворачивается и наливает себе стакан воды с лимонным соком.

– Она ненадолго забрела сюда после завтрака. Искала, чего бы пожевать, – говорит миссис Беллами, вытирая руки о фартук. – С тех пор я ее не видела.

Повариха вздыхает, раскидывает руки и отводит их в стороны, будто снимает напряжение в саднящих плечах. Должно быть, ощипывание кур – занятие утомительное. На столе высится груда красных и золотистых перьев. Самые тонкие плавно слетают на пол, подхваченные ветерком, что дует из открытой задней двери.

– Смотрите, какая тощая курица, – говорит повариха. – Придется посылать Берти еще за одной. У этой не хватит мяса, чтобы нынче вечером накормить столько ртов. И о чем он только думал, притащив мне этого жалкого курчонка? Мало мне хлопот, так еще и электричество выключилось. – Миссис Беллами угрюмо смотрит на погасшие лампочки, свисающие с потолка. – Может, вы знаете, когда его починят?

– Полагаю, генератором уже занимаются. Еще немного, и свет появится, – отвечает Элино́р и снова смотрит на курицу. – Миссис Беллами, мне думается, этого мяса вполне хватит.

– Если не хватит, по заливку получит не кто-то, а я, – фыркает миссис Беллами.

В словах поварихи ощущается ирония. Уместная ли, этого Элино́р не знает. Если уж на то пошло, миссис Беллами сама нуждается в откармливании. Обычно поварихи бывают пухленькими и кругленькими, однако миссис Беллами целиком состоит из острых углов и жил. И ее сходство с ощипанной курицей, лежащей на столе, отнюдь не мимолетное.

– Поступайте, как считаете нужным, – непринужденно отвечает Элино́р. Ее голос легкий, как ветерок, шевелящий волосы на затылке. Она старается не думать о другой курице, которой тоже свернут шею. – Я должна разыскать Роуз...

Она покидает кухню, унося недопитый стакан. Лучше не смотреть на то, что творится за кулисами приготовления пищи. Если слишком задумываться об этом, поневоле склонишься к вегетарианству. А это не ее стезя; во всяком случае, не сейчас, в ее положении. Может, потом, когда она родит.

Элино́р останавливается в коридоре, глотая воду. Резкий вкус лимона успокаивает подступающую к горлу тошноту. Солнце струится сквозь витражные окна по обеим сторонам входной двери, отбрасывая разноцветные отражения на стены и сверкающий дубовый паркет. Рядом громко тикают напольные часы, вселяя в нее уверенность.

Утром, когда они катались, Эдвард отчитал ее. Мягко и по-доброму, но смысл его слов был четок: она должна побольше отдыхать и заботиться о себе и ребенке. За что, как ей кажется, он платит мисс О'Коннелл? Няня должна вплотную заниматься своими обязанностями, а Элино́р то и дело берет эти обязанности на себя.

Она задумывается о себе, о том, в кого превратилась. Из-за Мейбл перестала посещать лондонские званные обеды и вечеринки. Когда-то она была совсем другой. Она устроилась на

работу в Военное министерство, чтобы зарабатывать на жизнь, но работа ей очень нравилась. Ей нравилась хлопотная конторская жизнь, ощущение того, что она занимается чем-то полезным и участвует в чем-то большем, нежели домашние дела. Работа у Эдварда оказалась еще лучше. Она разделяла его страсть к научным исследованиям, и ее ощущение полезности только возросло. Но после замужества работу пришлось оставить. Элинон вспоминает те дни и вдруг чувствует, что тоскует по ним. Она любила работать у Эдварда, сводить воедино все многосторонние данные его исследований, находиться в гуще всего этого, находиться рядом с ним с утра до вечера, и так каждый день.

А ведь ее жизнь могла бы потечь совсем в другом русле, не прояви она тогда смелость и не откликнулась на предложение о встрече, изложенное в оставленной им записке. Когда в указанное время она вошла в кафе «Брю», то чувствовала себя бесстыдницей. Эдвард сидел за столиком у окна. Увидев ее, он улыбнулся и приветливо помахал рукой, но, невзирая на это, она была готова повернуться и убежать из зала. Однако его непринужденный разговор и уверенность вскоре заставили Элинон забыть о себе. Он оказался обворожительным, умным мужчиной. Она впервые видела перед собой психолога. Настоящего ученого. Она охотно слушала все, о чем он рассказывал, делясь своими знаниями. Элинон покорили его уверенность, сила и стремление изменить мир. Он искал себе ассистента – человека молодого и сообразительного. Мужчина или женщина – это роли не играло. Эдвард рассказал, что согласно результатам проделанных им исследований женщины по умственным способностям ничем не отличаются от мужчин. Это противоречило традиционному мужским воззрениям на женщин. Эдвард искал подходящую кандидатуру, о чем рассказал бригадному генералу. Тот сообщил, что с окончанием демобилизации его кабинет закрывается. Следовательно, предположил Эдвард, Элинон так и так придется искать новую работу. Генерал хорошо отзывался о ней. «Может, ее заинтересует ваше предложение?» – спросил он Эдварда... Элинон практически сразу рассказала Эдварду, что у нее есть младшая сестра. Сможет ли она зарабатывать столько, чтобы хватило на них обеих? Через полгода она уже сидела за столом в университетском кабинете Эдварда. О жалованье она могла не беспокоиться: Эдвард платил ей вдвое больше, чем получали ассистенты. Вряд ли ей встретился бы более понимающий и заботливый работодатель.

Разумеется, она вполне довольна своей нынешней жизнью. Что может быть лучше, чем смотреть, как Мейбл с няней играют на лужайке, а ты сидишь на террасе, читая очередной роман Агаты Кристи? И тем не менее часть ее существа до сих пор скучает по важным делам, где требуется сообразительность. Скучает по занятости на работе, по ланчам в «Савой гриле», по шампанскому, которое она пила в «Рице» с Софи и сливками лондонского общества.

– Роуз! – зовет она, подняв голову к верхним этажам дома и надеясь услышать голос сестры.

Неужели эта девица до сих пор валяется в постели? Поднимаясь по лестнице, Элинон вспоминает себя в девятнадцать лет. Вспоминает время, когда она так уставала, что могла все субботнее утро пролежать в кровати. Ее утомление было вызвано не работой, а очередным балом, когда они с Софи задерживались далеко за полночь, танцуя с молодыми людьми в «Хаммерсмит-Пале».

Так продолжалось, пока в 1920 году ее жизнь не изменилась навсегда.

– Роуз! – уже не зовет, а кричит Элинон, чувствуя нарастающее раздражение.

Поднявшись на самый верх, она мысленно дает себе клятву сегодня же написать Софи. Та наверняка знакома с достойными молодыми людьми.

Элинон врывается к комнате Роуз... Вот где, оказывается, ее сестра! Роуз сидит спиной к двери, склонившись над письменным столом. По-прежнему в ночной сорочке, даже не удосужившись одеться!

– Вот ты где, дорогая! Скоро время ланча, а ты еще не покинула своей комнаты, – говорит Элинон, так и не сумев удержаться от упрёка.

Роуз поворачивается, смотрит на сестру. В голубых глазах мелькает чувство вины.

– Прости, пожалуйста! Ты меня ждала? Я хотела написать письмо...

– Но это твое первое утро после возвращения! Неужели ты успела соскучиться по девушкам из школы мадам Пикар?

В голове Элинора проносятся образы: Роуз, жившая в одной комнате с Клариссой, лица других девушек. Дружеские отношения, веселые проделки – свобода молодых незамужних девиц, когда еще можно резвиться и жить в свое удовольствие. Она представляет их прогулки по Парижу, походы в магазины и модные кафе...

Роуз вновь поворачивается к столу, собирает листы, заполненные аккуратным почерком, и кладет их на лист промокательной бумаги чистой стороной вверх.

– Какое длинное у тебя письмо, дорогая, – говорит Элинора, подходя к столу и касаясь плеча сестры. – И кому же ты пишешь?

– Подруге, – беззаботно отвечает Роуз.

– Не таись. – Элинора со смехом щиплет сестру за плечо. – Выкладывай! Если хочешь, мы вместе с Клариссой пригласим сюда и твою новую подругу.

– Видишь ли...

Роуз прикрывает страницы рукой, словно боясь, что Элинора перевернет их и прочтет. Что же такое она прячет?

– Роуз!

– Послушай, Элинора! Скоро ты так и так все узнаешь. Мне известно, что у Эдварда есть планы на мой счет. Это ужасно нелепо...

– Что именно? Что нелепо?

– Эдвард хочет выдать меня замуж, словно какую-нибудь обременительную дочку из романа Джейн Остин. Но сейчас, между прочим, двадцатые годы двадцатого века, и хотя я знаю, каким невероятно щедрым он был по отношению ко мне и все такое, я попросту не хочу выходить замуж. Во всяком случае сейчас, – порывисто добавляет она. – Вначале я хочу пожить самостоятельной жизнью. Мне всего девятнадцать. Я хочу работать в городе, как и ты когда-то. Замужество вынудило тебя бросить работу. Я не хочу повторять твой путь. Я хочу развлекаться. Строить карьеру. Мой французский требует применения. Сама знаешь, я сейчас говорю гораздо свободнее, чем до отъезда. Вдобавок я сносно говорю по-итальянски. Я подумываю о журналистике...

– О журналистике, – повторяет Элинора, хватаясь за спинку кровати.

– И... В общем... я встретила одного человека. У нас завязались отношения.

– Ну что за глупости ты городишь! – смеется Элинора. – Как ты могла кого-то встретить? Все эти месяцы ты находилась в школе. С другими девушками! Ты путешествовала с Клариссой и мадам Мартен, в обязанности которой входило приглядывать за тобой. Ты никак не могла кого-то встретить.

– И тем не менее встретила. Мне незачем тебе врать.

– Кого же?

– Прости, Элли, но ты ведешь себя как мать. А ты мне не мать. Ты моя сестра и должна быть на моей стороне.

– Роуз, нет никаких сторон. Я старше и опытнее тебя!

– Так знай: я встретила самого удивительного человека и полюбила его.

С губ Элиноры срывается возглас удивления. Взгляд Роуз пристален и упрям. На щеках вновь появляется румянец. Это вовсе не признак хорошего здоровья. Ни в коем случае. Это румянец любви. Счастья. Как же она раньше не заметила?

– Но это же прекрасно! Тогда почему ты только что заявляла о нежелании выходить замуж?

– Я и сейчас могу повторить. Но это не значит, что я не хочу создать отношения.

Улыбка на губах Элинон меркнет.

– Смотри какие отношения, – хрипло замечает она.

– Серьезные. Если хочешь знать, мы с ним в любовных отношениях.

– Боже милостивый!

– Его зовут Марсель Дево. Француз. Ох, Элли, он чертовски обаятелен! Невероятно умный, симпатичный. Мне такие еще не встречались!

– Любовники. – Элинон присаживается на краешек кровати. – Роуз, как ты могла? Надеюсь, вы с ним помолвлены? И позволь узнать, чем именно месье Дево зарабатывает себе на жизнь?

– Он художник и философ. Пишет и все такое. Он часть парижского авангарда, – говорит Роуз, и ее лицо озаряется гордостью. – И он совершенно нищ. Ни гроша за душой. Поэтому, Элли, мне и требуется работа. Тогда я смогу его поддерживать, пока он не добьется успеха. Знаю, я очень многим обязана Эдварду. Я ни в коем случае не жду, что он и дальше будет тратиться на меня. Я и так стоила ему изрядно. Элли, ты должна помочь мне в одном. Ты должна растолковать Эдварду, что я не собираюсь выходить замуж за кого-либо из его богатых друзей!

Элинон лежит. Ее голова покоится на двух подушках, заботливо принесенных из машины после их пикника на природе. Это мило с его стороны, но он трясется и кудахчет над ней так, словно она хрупкая расписная скорлупка яйца. Пока ребенок оставался ее тайной, такая забота была приятна вдвойне, ибо тогда Элинон могла целиком отнести ее на свой счет. А теперь всем есть до нее дело. Эдварду с его повышенным вниманием. Миссис Беллами, говорящей, что ей можно, а чего нельзя есть. Роуз, которая запрещает поднимать даже самую легкую корзинку. Лучше бы все они оставили ее в покое. Она и Личинка, как она назвала ребенка, великолепно обойдутся без чьего-либо вмешательства. Премного благодарна.

Солнце приятно согревает ей лицо. День выдался погожий и, слава богу, попрохладнее после вчерашней грозы, прогнавшей знойный воздух. Перед ней луг, пестрящий цветами и стеблями желтеющей травы. Луг находится на вершине холма, чьи склоны круто спускаются к лесу и извилистой реке. Та протекает гораздо ниже, скрытая деревьями. Элинон закрывает глаза. Она лежит на покрывале. Ее тело приятно расслаблено. Эдвард отошел к машине покурить вместе с Уилсоном, а Роуз с Мейбл гуляют по лугу. Когда Эдвард вернется, она сообщит ему новость. Подобные новости лучше преподносить мужу, когда он плотно закусил и после выкуренной сигареты находится в более благодушном состоянии. Шелестит ветерок. Откуда-то слышатся пронзительные крики черного дрозда, мелодичные трели дрозда обыкновенного и громкое воронье карканье. Полному блаженству Элинон мешает взрывная новость, которую Роуз обрушила на нее утром.

Как, черт побери, она скажет об этом Эдварду?! Внутри поднимается гнев на глупость сестры. Элинон резко открывает глаза. И о чем только думала Роуз, спутываясь с безденежным французом? Какая наивность думать, будто она сможет содержать двоих. Наверняка ее сестрица нарвалась на ничтожество, жадное до денег. Он воспользовался житейской неопытностью английской девушки из благополучной семьи. Может, он слышал про Эдварда и рассчитывает поживиться чужими деньгами? И неужели этому Марселю не будет унижительно жить за счет работающей женщины? Он явно из среды социалистов-революционеров, и Роуз соблазнил только затем, чтобы жить за ее счет, а самому баловаться живописью. Революция у французов в крови, и это отнюдь не преувеличение. Элинон вздрагивает при мысли, что Роуз может родить от него детей, испортив породу.

При мысли о грязных руках Марселя, лапающих Роуз, Элинон прошибает пот. Где же была мадам Мартен, так называемая компаньонка? Элинон решает, что обязательно напишет жалобу на нее и на школу мадам Пикар. Бедняжка Эдвард, ухлопавший столько денег на непуг-

тевую свояченицу! Наверное, можно потребовать частичного возврата денег. Имело ли смысл готовить Роуз к достойному замужеству, если ее занесло на кривую дорожку и она угробила свою репутацию? Ни один уважающий себя мужчина теперь не захочет знакомиться с ней. Роуз превратилась в «бракованный товар»... если только не удастся все это умело скрыть. Надо спросить совета у Софи, которая нынче именуется леди Грант-Паркер. Правила для современных девушек уже иные. Так часто говорит ей Софи, понимая подмигивая. Нужно просто быть осмотрительной. Мужчины всегда вели себя подобным образом. Жалкие лицемеры – вот они кто в подавляющем большинстве. Возможно, случившееся с Роуз еще не окончательная катастрофа.

Элинор приподнимается на локтях. К ней, взявшись за руки, бредут сквозь высокую траву Мейбл и Роуз. Мейбл держит поднятый сачок; лицо малышки предельно сосредоточенно. Элинор улыбается. Картинка летних красот. Роуз опускается на корточки и что-то настойчиво шепчет Мейбл, указывая вперед. Мелькают кремовые крылышки. В нескольких футах от них порхает бабочка. Мейбл бросается ее ловить, отчаянно размахивая сачком, и конечно же упускает. Малышка падает в траву и хохочет.

– Бабочка! Возвращайся! – кричит Мейбл.

Роуз помогает ей встать.

– Не переживай! В следующий раз тебе повезет, маленькая леди. Чтобы ловить бабочек, нужно подкрадываться к ним тихо и незаметно. Шум вспугнет твою добычу, – смеется Роуз, видя, как Мейбл досадливо топает ножкой.

– Мне не поймать ни одной!

– Ты обязательно поймаешь. Терпение. Это все, что тебе требуется. – Роуз нежно щиплет племянницу за щеку. – Идем, моя маленькая охотница. Думаю, мы с тобой заслужили по стаканчику лимонада.

Они усаживаются возле Элинор, и она наливает из термоса два стакана белесого лимонада, точнее, подслащенной воды с лимонным соком, после чего подает их Мейбл и Роуз.

– Впору освежиться, – говорит Роуз. – Спасибо.

– Тебе понравилась прогулка? – спрашивает Элинор у дочки.

– Мы не поймали ни одной бабочки, – надув губы, обиженно отвечает Мейбл.

Сачок летит в траву.

– Не расстраивайся. – Элинор гладит малышку по коленке. – Бабочки любят свободу. Они так красиво порхают над лугом. Смотри! Видишь красного адмирала?

Она указывает на пролетающую крупную коричневую бабочку с красными полосками. Это место называют Лугом бабочек. Их здесь полным-полно, пока трава еще растет и в ней вспыхивают огоньки цветов. К концу августа это великолепие скосят.

– Да. Точно адмирал. – Роза смотрит на воздушные пируэты бабочки. – Ты до сих пор сердисься на меня?

– Я не готова обсуждать это сейчас, – быстро отвечает Элинор, глядя на Мейбл. – Не хочу портить замечательный день. Как только Эдвард узнает...

Роуз вздыхает, сбрасывает шляпку и драматично ложится на спину.

– Честное слово, Элли, ты становишься все более дремуче-старомодной и несносной.

– Роуз! – не выдерживает Элинор.

Мейбл дергается и роняет стакан с лимонадом. Жидкость попадает ей на платье, стакан откатывается в траву. Голова Мейбл наклоняется и тут же запрокидывается. Ее глаза закатываются, дыхание становится резким и прерывистым, а рот искривлен. Ее голова снова дергается.

– Мейбл! – кричит Роуз, отодвигаясь и придерживая подол юбки, чтобы не замочить в лужице, появившейся сбоку от Мейбл.

Мейбл не реагирует.

Элинор встает, вытаскивает Мейбл из лужи и промокает влажную ткань салфеткой.

– Это ты виновата! – бросает она Роуз.

– Ничего подобного! Ты своим криком испугала бедняжку.

Роуз садится, хватая тряпку, которой была прикрыта корзина для пикника, и собирает растекающуюся липкую лужицу.

Мейбл очумело озирается по сторонам:

– Она ушла?

– Кто она, дорогая?

Элинор крепко держит Мейбл, ощущая вес дочери. Мейбл изгибается, словно у нее нет сил держать голову прямо. По ее платьицу, от живота к коленкам, тянется темная мокрая полоса. Придется вернуться, чтобы переодеть ребенка. Как же она сглупила, дав мисс О'Коннелл выходной. А ведь няня хотела поехать с ними. Тогда можно было бы отослать ее домой вместе с Мейбл и не портить замечательный день.

– Леди с огненными волосами, – отвечает малышка, оглядываясь по сторонам. В ее глазах странная пустота. – От нее так смешно пахнет.

Элинор вопросительно смотрит на Роуз. Сестра пожимает плечами.

– Крошка моя, я не понимаю, о ком ты говоришь, – отвечает Элинор. – Нас здесь только двое: Роуз и я. Идем, я отведу тебя домой и переодену.

Мейбл осматривает себя и словно удивляется, увидев липкую полосу, оставленную пролитым лимонадом.

– Спать хочу, – зевает малышка.

Роуз перестает вытирать остатки лужицы и пристально смотрит на Мейбл:

– Элли, тебе не кажется, что с ней творится что-то странное?

– Что именно? – спрашивает Элинор. Мейбл прижалась головкой к материнской груди. Ее глазенки сверкают. – Произошла досадная оплошность. Вдобавок она устала от прогулки, только и всего.

– Ты уверена? – Роуз смотрит на сестру, озабоченно морща лоб. – У нее были такие странные глаза. Зрачки большие и совсем черные. Это длилось считанные секунды, однако... На эти секунды она словно исчезла. Ты это заметила?

– Нет, – сухо отвечает Элинор. – Я вообще не понимаю, о чем ты. Послушай, если Мейбл устала, она заснет где угодно. Не стоит переживать из-за такой мелочи. Дорогая, ты же хорошо себя чувствуешь? – спрашивает она у дочери.

Элинор слегка встряхивает ребенка, не давая уснуть, затем опускает на траву. Ножки Мейбл подгибаются, но она тут же выпрямляется и встает, прислонившись к ногам матери.

– Роуз... – Элинор поворачивается к сестре. – Ты останешься здесь, иначе Эдвард не узнает, куда мы исчезли. Скажешь ему, что Мейбл облилась лимонадом и я повела ее домой переодеваться. Пусть Уилсон захватит корзину и все остальное и привезет домой на машине. Дома встретимся. Идем, Мейбл. Шевели ножками.

– Давай я схожу за машиной. Зачем Мейбл идти пешком? – гнет свое Роуз. – Возможно, она простыла и у нее поднимается температура. Эти ее странные слова про огненные волосы...

– Хватит суетиться! – шипит Элинор.

Внутри у нее возник тугой узел, не желающий развязываться. Она столько недель ждала возвращения Роуз. Этот пикник должен был пройти идеально: сестры снова оказались вместе. Элинор смотрит на Мейбл, потом тянет ее за руку, и они пускаются в путь.

Они поднимаются по крутому склону холма и выходят на тропинку, что вьется по лесу вдоль заднего фасада Брук-Энда. Идти совсем недалеко, однако Мейбл еле переставляет ноги.

– Понесешь меня? – спрашивает дочка, поднимая руки.

Элинор вздыхает:

– Ты стала слишком большой и тяжелой. Давай я понесу тебя на закорках.

Элино́р приседа́ет. Мейбл взбирается на материнскую спину. Элино́р идет по широкой тропке, петляющей между деревьями. Мейбл ударяется о ее спину, словно мешок. Сквозь листву просвечивает солнце. Ветерок шевелит листья, заставляя солнечные лучики танцевать. Боковым зрением Элино́р улавливает какое-то мелькание. Она замирает на месте и всматривается в пространство между серебристых стволов. Ее сердце сильно колотится. Она затаивает дыхание. Хлопают крылья, изгибается ветка. Кто-то шуршит в подлеске. Нет тут ничего страшного. Элино́р выдыхает и идет дальше, прибавив шагу. Ее чувства обострены до предела. Тени всегда ее пугали.

Элино́р устало взбирается по склону лужайки, ведущей к дому. Липкое пятно на платье Мейбл запачкало и ее одежду. Перед глазами вновь встает ужасающе дергающаяся головка Мейбл. Вспоминаются слова встревоженного Теда и недавние вопросы Роуз насчет того, все ли с малышкой в порядке. Усилием воли Элино́р решительно прогоняет эти мысли.

Теплая ванна и крепкий сон – и ее малышка моментально поправится.

Глава 4

Эдвард

– Она должна выпутаться из этой дурацкой истории! – заявляет Эдвард тоном, не терпящим возражений. – Действовать нужно быстро, решительно, пока не стряслось настоящей беды. – Он стоит перед зеркалом, расставив ноги, поправляет воротник рубашки, затем вдевает туда запонки. – Нам определенно повезло, что эти «отношения» возникли в Париже, а не в Лондоне. Меньше вероятности, что все это выплеснется наружу.

Элинор находится в его комнате. Она сидит в кресле, покачивая ногой. На ней простое, но элегантное темно-синее платье из льна. Беременность еще не изменила ее фигуру. Лицо Элинор бледно, пальцы теребят длинную нитку речного жемчуга. Это ожерелье Эдвард привез ей из Германии, куда ездил на конференцию в Билефельд.

– Что у них вообще за отношения? – спрашивает Эдвард, и Элинор ловит его взгляд в зеркале. – Они помолвлены?

– Очень сомневаюсь. Но она собирается жить вместе с ним. Поддерживать его.

– Что значит «поддерживать»?

Эдвард сохраняет спокойный тон. Уравновешенность, несмотря на то что внутри зудит раздражение. Элинор незачем это видеть. Особенно сейчас. Она и так выглядит встревоженной. Он не вправе показывать ей свое недовольство. Это лишь добавит ей напряжения и беспокойства.

– Чистое безумие, – отвечает Элинор. – Она думает, что сумеет найти работу. И знаешь какую? Работу журналистки. Роуз намерена его содержать, пока он движется к славе художника и еще кого-то там. По ее словам, он из хорошей семьи. Возможно, даже богатой. Но он, видите ли, чертов социалист, а потому повернулся спиной к буржуазному достатку. Он считает жизненно необходимым переходить на плановую экономику, как в России. Капитализм умер и все такое. Материальные блага совсем ничего не значат. Достаточно любви. Она заявляет, что они будут счастливы при минимальном достатке.

Эдвард фыркает:

– Легко говорить, когда ей доступны все виды современного комфорта. Подозреваю, она думает так: если мы познакомимся с ее дружкой, мы, как и она, подпадем под его очарование и я обеспечу их уютным *piéd-à-terre*⁴. Пусть пересмотрит свои мечтания.

– Эдвард, не будь к ней слишком жесток! Боюсь, этим мы только вытолкнем ее из дому.

Эдвард застегивает последнюю запонку и снова фыркает:

– Вашим сестринским отношениям ничего не угрожает. Послушай, это же ее первый романтический всплеск. Первая любовь! Она ничего не знает. Верь мне, это долго не продлится.

Он тянется за черным галстуком-бабочкой, умалчивая о том, что они оба и так знают: он первая и единственная любовь Элинор. Ей незачем знать о его прошлых любовных романах, немногочисленных и несколько хаотичных.

Он завязывает галстук. Пожалуй, стоит завести себе камердинера. Не будет ли слишком обременительно? Такая идея уже посещала Эдварда, но Элинор скажет, что он прекрасно может одеваться сам. Это повлечет за собой дополнительные расходы. К тому же хорошего камердинера чертовски трудно найти. Нынче, когда у тебя нет ни статуса, ни титула, рассчитывать на достойную прислугу не приходится.

– Так что же нам делать?

⁴ Жилье (фр.).

– А вот что, – отвечает Эдвард, надевая пиджак. – Мы немедленно напишем этому меся Дево и потребуем прекратить всю эту чепуху. Элис уже относил почту или оставила до понедельника?

– Письма лежат на столе в холле. В понедельник она с утра их понесет.

– Прекрасно. Я без труда узнаю его адрес. Оставь это дело мне. Меньше всего ты должна волноваться о подобных вещах, особенно сейчас...

Он смотрит на пока еще плоский живот жены, едва отваживаясь верить в реальность беременности. Как могла Роуз обрушить свой груз на плечи сестры в такой момент, когда вся жизнь Элинор должна состоять из счастья и удовольствий?

– Я намерен недвусмысленно заявить ему, что они оба не получают от меня ни пенни. Очень сомневаюсь, что его семья обрадуется такой перспективе. Думаю, они ошеломлены не меньше нашего. Когда он узнает, что на денежки рассчитывать не приходится, это сразу охладит его страсть. Я уверен.

– А если не охладит? – тихим, нетвердым голосом спрашивает Элинор.

– Тогда мне думается, нам придется предложить ему некоторую сумму в качестве отступного.

– Но что, если Роуз говорит правду и ему в самом деле плевать на деньги?

Эдвард вздыхает. Опять «что, если».

– Уверен, что нет. – Он подходит к жене и, желая успокоить, кладет ей руку на плечо. – Поверь мне, Элинор, за деньги можно купить что угодно. Надо только знать цену.

Эдвард поднимает ее с кресла, заглядывает в глаза, отводит выбившуюся прядку со лба. Его снедает отчаянное желание оградить Элинор от всех жестокостей жизни. Она и так немало выстрадала. Но она сильна и умна. Судьба ее не сломала.

– Почти что угодно, – отвечает она на слова мужа.

– Ты права.

– Эдвард, я искренне надеюсь, что это не будет для тебя слишком разорительным. Мне так неловко за всю эту историю.

Элинор поднимает глаза на мужа. В них блестят слезы. Вид у нее совсем несчастный.

Эдвард берет ее лицо в ладони.

– Дорогая, ты ни в чем не виновата. Ты проявляла максимальную заботу о сестре. Все эти восемь лет ты заменяла Роуз и мать и отца. Пусть эта история тебя не тревожит. Я сам разберусь с Роуз и с этим Марселем. Обещаю. – Он гладит жену по щеке. – Сейчас тебе нужно целиком сосредоточиться на ребенке. Наши гости поди заждались. – Он целует ее в лоб. – Если мы в ближайшие минуты не спустимся, миссис Беллами начнет вздыхать об испорченном ужине. Мы же не хотим навлечь на себя гнев миссис Беллами, правда?

Эдвард и Элинор спускаются в гостиную. Роуз уже там и занимает гостей. Их соседи – Бартон и Лиззи Лейтон – приехали вместе со своими старшими дочерьми Шарлоттой и Лилли. Хвала небесам, что две младшие остались дома под надзором гувернантки. Здесь же присутствуют именитые американские гости – Гарри Лафлин и его жена Пэнси. Эдвард пригласил двух одаренных студентов-психологов – Лесли Херншоу и Питера Рейнхарта. Херншоу и Рейнхарт успели познакомиться с девушками, и все пятеро уединились в углу гостиной. Завершают список гостей Мэри Стоупс и ее муж Хамфри, занятые поисками жилья в здешних местах.

– Всем добрый вечер, – здоровается Эдвард. – Прошу меня простить великодушно за опоздание.

– Не нужно извинений, друг мой, – широко улыбается Гарри и обменивается с хозяином теплым, крепким рукопожатием.

Лафлин почти лыс. Остатки его светлых волос аккуратно зачесаны. Лысина делает его старше прожитых сорока восьми лет.

– Нам здесь не дают скучать, – добавляет он, поднимая стакан.

Пэнси кивает и улыбается:

– Мы познакомились с вашими замечательными соседями.

Говоря о соседях (естественно, за глаза), Эдвард обычно употребляет другие прилагательные. Бартон, как всегда, ораторствует.

– Мы тоже провели электричество на нижнем этаже, – басит он, – и это, должен вам сказать, обошлось нам в кругленькую сумму. – Он хмурится. Его лысая голова блестит под ожившим электрическим светом. – Тратиться на верхние не стали. Мы же там только спим, – добавляет он и фыркает.

Бартон на десять лет старше Эдварда. Потерю волос на голове он компенсирует увеличивающейся растительностью на лице. Жалобы на дороговизну всего – излюбленная тема разговоров Лейтонов, что неудивительно при таком количестве дочерей и постоянно сокращающихся доходах.

– Не говори ерунды, – возражает мужу Элизабет Лейтон, настаивающая, чтобы все ее звали Лиззи.

Она поворачивается сначала к Пэнси, затем к Эдварду и Элиноর. Лиззи весело и громко смеется, словно ее муж только что на редкость остроумно пошутил. Эдвард не представляет, каково жить с такими родителями, не умеющими просто говорить, а произносящими каждую фразу с оглушительной громкостью. Он вдруг проникается сочувствием к их дочерям.

– Мы, конечно же, должны провести электричество и на верхние этажи, – продолжает Лиззи. – Нынче электричество есть у всех. – Ее пышная грудь колеблется под атласной блузкой в такт запальчиво произносимым словам. – Вы согласны, что электричество есть у всех? – Она оглядывает собравшихся. Ее глаза умоляют о поддержке. – Что люди о нас подумают, если мы ограничимся электрификацией только первого этажа?

– Истинная правда, – подхватывает Пэнси, глаза которой все больше округляются при взгляде на Лиззи. – Да и можно ли вообще сейчас прожить без электричества?

– Особенно в английских нагромождениях ветшающих камней, именуемых у вас замками! – смеется Гарри и поворачивается к Мэри и Хамфри. – А вы? У вас тоже есть какое-нибудь древнее обиталище в этих краях?

– Пока нет, – без улыбки отвечает Мэри. – Но сегодня мы осматривали весьма привлекательный дом в Доркинге. Помнишь, Хамфри?

Муж послушно кивает. Везде, где Мэри говорит во весь голос, брызжа кипучей энергией, Хамфри остается молчаливым наблюдателем.

– Не желаете ли выпить, сэр? – спрашивает дворецкий Фолкс, проскальзывая между гостями.

– Да, Фолкс. С вашего позволения, глоток того прекрасного «Гленфиддиха», – отвечает Бартон, улыбаясь во весь рот. – То, что вы подавали, когда мы были здесь в прошлый раз. С мягким привкусом леса. Налейте побольше. Только не надо добавлять лед или еще что-нибудь. Напиток прекрасен сам по себе.

Он вновь усаживается в любимое кресло Эдварда. Невысокого роста, коренастый, в прежние годы он, пожалуй, был бы незаменимым игроком в регби. Однако Бартон питает слабость не к спорту, а к маленьким радостям жизни. Он напоминает Эдварду лошадь, выпущенную на весеннее пастбище. Всякий раз, когда он встречается с соседом, брюшко Бартона становится еще круглее, а борода – еще длиннее.

– Да, сэр, – отвечает Фолкс. – А что желает мадам?

– Мне джин с тоником, – говорит Лиззи; она на полфута выше мужа; женщина она добродетельная, но несколько глуповатая и склонная к излишним эмоциям. – Положите в стакан ломтик лимона и налейте двойную порцию тоника.

Эдвард смотрит, как она сопровождает разговор энергичной жестикуляцией. Она сетует Пэнси на тяготы жизни в двух мирах, когда у твоих друзей есть самые современные удобства, а твой расточительный муж предпочитает жить в прошлом.

Закончив монолог, Лиззи широко улыбается собравшимся:

– Скажите, Эдвард, как вам удалось познакомиться со столь замечательными американцами? Бартон общается исключительно со старыми консервативными англичанами. Встреча с иностранцами подобна живительной струе!

Ее слова встречают вежливым смехом.

– У нас с Гарри есть общие научные интересы, – поясняет Эдвард. – Особенно в сфере евгеники. Гарри – один из ведущих американских экспертов в области этой новой захватывающей науки.

Лиззи выгибает брови дугой.

– Как это впечатляет! – Она с энтузиазмом встряхивает головой. – Правда, Бартон?

– А что это за зверь такой – евгеника? – недоуменно спрашивает Бартон.

Эдвард отвечает без запинки, поскольку уже неоднократно отвечал на подобные вопросы непосвященных.

– Попросту говоря, это наука, порожденная дарвиновской теорией, согласно которой выживают наиболее приспособленные. Целью Евгенического движения является улучшение человеческой породы посредством увеличивающегося воспроизведения в людях наиболее желательных качеств и одновременно подавления наименее желательных: например, наследственных болезней, умственной отсталости и так далее.

– А в этом есть здравый смысл, – изрекает Бартон и, склонив голову, размышляет над услышанным.

– Но зачем вас потянуло влезать во все это? – спрашивает Лиззи и морщит нос, словно они обсуждают нечто отвратительное. – Эдвард, я думала, вы занимаетесь чем-то важным по части психологии или образования.

– Я и занимаюсь, – смеется он, – но все эти вещи взаимосвязаны. К тому же... – он оглядывается на Элинора, которая отвечает едва заметным одобрителем кивком, – у нас есть весьма личные причины для глубокого интереса к этой работе. Мы с Элинором оба желаем, чтобы с улиц исчезли опасные ничтожества, дабы избежать трагедий вроде той, что случилась с матерью моей дорогой жены.

Воцаряется неловкое молчание.

– Конечно, – торопливо произносит Лиззи. – Я это хорошо понимаю. Но у вас непростая задача. Как вы собираетесь ее решать?

– Один из способов – регулирование рождаемости, – отвечает Мэри Стоупс, подходя ближе к Эдварду.

– Миссис Стоупс, я почти забыл, – улыбается Гарри. – Мисс Сэнгер настоятельно просила передать вам от нее привет.

– Хм... – бормочет Мэри, кривя губы. Не секрет, что Мэри и мисс Сэнгер находятся отнюдь не в приятельских отношениях. – Благодарю, – наконец произносит она.

Мэри, которой под пятьдесят, и не думает сбавлять темп своей жизни. Эдвард примирительно ей улыбается.

– Вряд ли сыщется большой сторонник любых отрицательных моделей евгеники, чем миссис Стоупс, – говорит он собравшимся. – Она неутомимо стремится обуздать чрезмерную рождаемость в низших слоях населения и у отсталых народов. Идеальным решением, по ее мнению, была бы принудительная стерилизация. А пока миссис Стоупс потратилась на расширение своей клиники, где любая женщина, признанная дефектной, может бесплатно получить противозачаточные средства.

По мнению Эдварда, под эту категорию подпадает любая женщина из бедных слоев.

– Ах, Эдвард! Вы слишком добры, – смеется Мэри. – Надеюсь, у мисс Сэнгер все в порядке? – спрашивает она у Гарри. – Ей сейчас в Нью-Йорке приходится вести настоящие битвы. Я сочувствую ей. – Мэри вновь поворачивается к Эдварду. – Слышала, сестра вашей жены интересуется журналистикой. У меня есть предложение. Как насчет работы в моем бюллетене «Новости контроля над рождаемостью»? Ее помощь была бы очень кстати. Я просто с ног сбиваюсь.

– Не сомневаюсь, что так оно и есть, – отвечает Эдвард и оглядывается на стайку хихикающих девушек в другом конце гостиной.

У него почему-то возникает ощущение, что они смеются над книгой Мэри. Роуз весьма жестоко высказывалась и о книге, и об авторе. Эдварду даже на минуту не представить Роуз работающей у Мэри – женщины твердых, если не сказать крайних взглядов на проблемы сдерживания роста населения. Что-то подсказывает ему, что небеса явно не одобряют такой союз.

– Мы с Элинор весьма надеемся отговорить Роуз от этого занятия, – продолжает он. – Мне жаль вас разочаровывать, однако сомневаюсь, что Элинор готова отпустить сестру в свободное плавание по лондонским улицам. Роуз – девушка, получившая преимущественно домашнее воспитание. В Европе ее повсюду сопровождала компаньонка. В обозримом будущем она останется жить с нами. Сами понимаете, каждый день ездить отсюда на работу в Лондон далековато. И ее самостоятельная жизнь в каком-нибудь задрипанном лондонском пансионе – тем более не выход. Мне бы этого очень не хотелось.

Мэри пожимает плечами, залпом выпивая свой джин с тоником.

– Это просто идея. Предложение остается в силе... на случай, если вы передумаете.

– Нас буквально сживают со свету, – ворчит Бартон, обращаясь ко всем, кто готов его слушать. – Не осталось ничего святого. Сам наш образ жизни и тот под угрозой. Богатство. Нынче это слово считается непристойным. Мне надо бы признать себя побежденным. Распродать все, что имею, пока еще не поздно. Переехать в Америку. Или в Индию. Или на континент.

– Пф! Европейские страны находятся в худшем положении, чем мы, – шумно выдыхает Эдвард. – Особенно Франция, – добавляет он сквозь зубы. – А дела Германии еще хуже.

– А у вас в Америке положение лучше? – спрашивает Лиззи.

Гарри покачивается на каблуках.

– Экономика, конечно, не моя стезя, – с расстановкой произносит он, – но думаю, не погрешу против правды, если скажу, что с самой войны в нашей стране начался экономический бум, тогда как Англия и Европа увязали в застое. Мы нация устремленных. Там, откуда я родом, слово «богатство» не является непристойным. Но нас, американцев, конечно же, волнует положение в Европе и у наших ближайших союзников. Мы крайне заинтересованы во всесторонней защите нашей демократической капиталистической системы от вполне реальной угрозы коммунистической революции. Мы это понимаем.

– Слышала? – спрашивает Бартон, глядя на Лиззи. – Разве я не говорил то же самое? Достаточно заглянуть в газеты!

– Я думаю, мы все искренне заинтересованы в том же, – соглашается Эдвард. – Возникшие проблемы многогранны и конечно же требуют коллективного решения. – Он поворачивается к Гарри. – Британская экономика находится в застое, поскольку при растущей безработице и снижении заработной платы людям не хватает денег на те или иные товары. Отсюда падение спроса. Добавьте к этому сокращение нашего экспорта, за что надо сказать спасибо мистеру Черчиллю. В двадцать пятом году он совершил колоссальную ошибку, решив повернуть время вспять и вернуться к довоенному уровню!

– Каким образом? – спрашивает Гарри.

– Он вернул фунт к золотому стандарту при смехотворно высоком обменном курсе. Здесь я готов согласиться с Кейнсом, который говорит, что привязка стоимости нашей валюты к

золоту – варварский пережиток. Но я, как и Гарри, не экономист. Моя специальность связана с тем, что является куда более многообещающим и ценным для всех нас.

– С чем? – спрашивает Лиззи, наклоняясь вперед. – Эдвард, ваша работа всегда такая загадочная. Пожалуйста, расскажите!

– В том, чем занимается Эдвард, нет ничего загадочного, – смеется Элинор, подмигивая мужу. – О его работе чуть ли не каждый день пишут в газетах.

Эдвард улыбается жене, затем поворачивается к Лиззи.

– Я занимаюсь человеческим разумом, – с пафосом произносит он, для большего эффекта постукивая себя по лбу. – Это ключ к судьбам каждого из нас. И конечно же, моя сфера деятельности тесно связана с тем, о чем мы говорили ранее, – с евристикой и улучшением разума. Это поистине захватывающая тема.

Мэри выходит вперед и включается в разговор, размахивая пустым бокалом. Она говорит, как проповедник перед прихожанами, начав издали:

– Как явствует из недавних слов Гарри, мы – наша раса – подошли к критическому, поворотному моменту. Кажется, мы уже достигли предела человеческого интеллекта, в результате чего сама наша цивилизация оказалась под угрозой. Мы можем ничего не делать и позволить ей катиться вниз. Или же именно сейчас предпринять необходимые действия и остановить неизбежный застой. Спасти цивилизацию от почти явного саморазрушения.

– Боже мой! – восклицает Лиззи, переминаясь с ноги на ногу и торопливо глотая джинс с тоником. – Какие жуткие крайности! Как мы можем достичь предела человеческого интеллекта? Эдвард, вы же здоровый человек. Неужели вы согласны с... – Лиззи смотрит на Мэри, такую плоскую и внешне заурядную по сравнению с ее собственными пышными формами. – С ней, – произносит Лиззи, кривя губы и морща нос.

– Боюсь, что да, – отвечает Эдвард предельно серьезным тоном, каким читает свои лекции. – Мы стоим перед печальным фактом. С одной стороны, бесконтрольно высокая рождаемость, особенно в самом низшем слое населения, которая плодит физически и умственно неполноценных, преступников, алкоголиков, эпилептиков и так далее. С другой – низкая рождаемость среди наиболее пригодных к деторождению, интеллектуально высокоразвитых людей. Это привело к возникновению дисбаланса. Если не вмешаться, становится предельно очевидным, что такое положение вещей приведет нас к катастрофическому будущему.

Мэри кивает.

– Если вы думаете, что ваши нынешние налоги чрезмерно высоки, – говорит она, качнув стаканом в сторону Бартона, – в будущем они станут разрушительными. Можете представить, во сколько обойдутся орды дефективных, которых нам придется содержать? Этот факт уже вынуждает молодых женатых мужчин из профессиональных классов оставаться бездетными. Они не могут позволить себе детей вследствие ноши, которую низшие слои общества возлагают на плечи общества.

– Боже, как все это мрачно! – произносит Бартон, угрюмо глядя в стакан. – Конец цивилизации. Думаю, мы мало чем можем этому помешать.

– Все цивилизации приходят к концу, – говорит Гарри. – Греки, римляне, другие. Боюсь, это вовсе не преувеличение. Западная либеральная демократия медленно, но верно движется к закату. Коммунизм, плановая экономика, автократии, которые расцветают по всему миру... Корень всех этих бед – дисбаланс между упомянутыми слоями населения. Кто-то скажет, что уже слишком поздно спасать нашу умирающую демократию. Но я остаюсь оптимистом. Мы не должны сдаваться без боя. Согласны?

– Фолкс, будьте любезны, еще порцию – угрюмо бубнит Бартон.

– А вот вы, Гарри. Какова ваша роль во всем этом? – спрашивает Лиззи.

– Я являюсь директором Евгенического архива в Институте Карнеги. Наши с Эдвардом научные интересы... добавим сюда и миссис Стоупс, во многом совпадают. Долгое время мы

работали параллельно. Мы оба психологи, специалисты в области образования и заинтересованы прежде всего в улучшении здоровья и благосостояния наших народов.

– И что же привело вас в Англию? – спрашивает Лиззи, во все глаза глядя на американца и жадно ловя каждое его слово.

– Как уже сказал Эдвард, темы нашей работы перекрывают друг друга. Делясь знаниями и работая сообща в новой, развивающейся научной сфере евгеники, мы можем дать толчок этому движению в Европе. Здесь наши интересы целиком совпадают. Давайте смотреть правде в глаза: сейчас, как никогда, нам необходим быстрый и решительный прогресс.

Гарри пьет воду, хмуро глядя, как дворецкий наполняет виски стакан Бартона.

– Если хотите знать, я искренне ратую за создание мирового правительства, чтобы все, что представляет международный интерес, решалось бы на самом высоком уровне с участием всех богатых стран.

– И как бы это работало? – спрашивает Элинор.

– По образцу Лиги наций и конституции Соединенных Штатов. Естественно, доминирующая роль в этом правительстве принадлежала бы Европе и Северной Америке, – поясняет Гарри. – Но ключевым моментом в этой битве была бы защита расовой чистоты; в особенности чистоты нордической расы – самой идеальной из всех рас. С этой целью мы финансируем исследования в Германии. После завершения наших дел в Лондоне мы с Пэнси отправимся в Мюнхен, в Институт кайзера Вильгельма. Состоятельные люди Америки рассматривают филантропию как своего рода обязанность. Обязанность возвращать. Надеюсь, вы это понимаете. – Он поворачивается к Бартону. – А чем занимаетесь вы, сэр?

– Я? – с громким хохотом переспрашивает Бартон. – У меня нет профессии! Я из числа тех, кого в нашей стране называют джентльменами. Вымирающая порода... Я должен был бы жить за счет плодов моей земли, но нынче это становится все труднее из-за богатых выскочек вроде Эдварда.

– Бартон, я человек науки, – вздыхает Эдвард, делая упор на последнем слове и пытаясь заглушить раздражение, вызванное отношением соседа.

Аристократический снобизм Бартона по поводу происхождения Эдварда вряд ли когда-нибудь утихнет. Отец Эдварда был из тех, о ком говорят «выбился в люди». Смышсленный, необычайно деятельный Джеймс Хэмилтон был сыном даремского шахтера, о чем Бартон даже не подозревает, а Эдвард не намерен распространяться. Чтобы стать инженером-строителем, отец Эдварда учился на вечернем отделении колледжа. Это был инженер от Бога. Его работа по прокладке региональных железных дорог и строительству мостов принесла ему немалое состояние, которое Эдвард, его единственный сын, получил в наследство. Не что иное, как отцовские деньги позволили Эдварду заниматься наукой и исследованиями, направленными на благо всего человечества. И тем не менее... Эдварда окружает ореол «новых денег». Американцы воспринимают это с восторгом, а английская аристократия – с разной степенью презрения и подозрительности.

– Отрадно то, что в нынешнем году у нас обильный приплод фазанов, – продолжает Бартон, и его лицо немного проясняется. – По сути, их тысячи. Достойный способ получить дополнительный доход. В противном случае от лесных массивов не было бы никакого толку. Приспособляемость, друг мой. Она помогает нам выживать. На охотничьих угодьях нынче можно неплохо заработать. Те, кто ублажает прихоти лондонцев... простите мне такое выражение... устраивают у себя охотничьи забавы.

– Раз уж мы заговорили о забавах, – подхватывает Элинор, – в следующее воскресенье мы с Эдвардом планируем устроить теннисное состязание. К нам на выходные приедет Кларисса, лучшая подруга Роуз. Был бы неплохой повод отпраздновать возвращение Роуз.

– Какая замечательная идея! – восклицает Лиззи.

– Даже Мейбл смогла бы присоединиться к общему веселью, – замечает Эдвард и вопросительно смотрит на жену.

Та кивает.

– Мейбл обожает наряжаться к праздникам. Всего четыре, а уже разбирается в моде, – смеется Элинора.

– Слушайте, чуть не забыла! – снова восклицает Лиззи. – Не желает ли Мейбл щеночка? Я тут подумала: должно быть, малышка тоскует по дорогому старине Пэтчу. Голди, ретриверша нашего егеря, родила пятерых щенят. Одного он оставил себе, и еще одного я обещала нашим девочкам. Не хотите ли и вы? Щенки чистопородные. Уверена, мы без труда найдем желающих их взять.

– Эдвард, как ты?

Он видит, что жена готова взять щенка. У него теплеет на сердце при мысли о том, сколько радости принесет щенок их дому. Скорее всего, миссис Беллами не обрадуется, но, если уж на то пошло, повариху трудно чем-то обрадовать.

– Согласен. Как говорят, без собаки и дом не дом, – говорит Эдвард.

В этот момент в гостиную торопливо входит миссис Фолкс и сообщает, что обед готов. Возможно, новый щенок отведет и мысли Роуз от этого француза.

II

Вы называете это войной.

Я предпочитаю другое слово: игра.

Почему? Да потому, что здесь власть принадлежит мне. Я словно кошка, играющая с беспомощным грызуном. Несмотря на годы ваших исследований и основательность научных заведений, несмотря на ваш научный прогресс и понимание законов природы, вы меня пока не победили. Если мне захочется подразнить и помучить вас, я так и сделаю. Я уже это делаю. Ваши жалкие, неуклюжие попытки избавиться от меня сводятся к высокомерию и ложной самоуверенности. О, как это меня развлекает!

Мы с вами играем тысячи лет подряд, и игра никогда мне не наскучит. Посмотрели бы вы на себя. Вы переполнены страхом, предрассудками и религиозным рвением, считая, будто от меня легко отмахнуться, посчитав чем-то другим.

Между нами идет нечестная игра. Или война. Или называйте это, как вам угодно. Но как и в забавах кошки с маленькой невинной мышкой, это лишь половина развлечения! Обожаю вовлекать вас в веселый танец, где я по собственному выбору то исчезаю, то появляюсь.

Могу ли я нести ответственность за то, что какого-то человека нет рядом? За вспышку света, диковинное облако в солнечный день? За оборванную фразу, пустой взгляд? Разве из-за меня вы что-то поставили не туда и теперь не можете найти? Виновата ли я в своем появлении? Неужели это из-за меня кто-то обжег руку, рассек губу, сильно ударил голову, сломал ребро? Разве из-за меня ваш близкий человек впал в замешательство, истерику или агрессию? Или в этом повинен кто-то совершенно другой?

Вам этого не узнать, ибо я гений уловок, обмана и неразберихи.

Давайте по-честному: вы скорее предпочтете объяснить странное поведение дорогого вам человека чем угодно, только не моим вмешательством. Скажете, что это рука Бога или самого дьявола, чародейство или колдовство.

И тем не менее, невзирая на все заклинания, сожжения, утопления и пытки, невзирая на заточение и изгнание из общества, стерилизацию и эвтаназию... я по-прежнему здесь!

Знали бы вы, как меня устраивают эти ваши настойчивые поиски света в темноте.

Итак, друзья мои, теперь вы знаете: у меня появилась новая игрушка. Свежая добыча. Податливая, юная, открытая видениям и ощущениям.

Вы и не заподозрите, что за странностями маленькой девочки скрываюсь я.

Вы засмеетесь и отмахнетесь. В этой извращенной игре я прячусь, а вы не торопитесь меня искать.

Ведь я же мастерица менять обличье, и в этом-то вся прелесть игры.

Глава 5 Элино́р

Стол в холле украшает ваза с розами из собственного сада. Элино́р добавляет последние штрихи к букету, когда снаружи вдруг доносится громкий и резкий звук автомобильного клаксона. Она вздрагивает и едва не опрокидывает вазу на пол.

Ее лицо расплывается в широкой улыбке. Она настежь распахивает входную дверь.

– Кто же это...

Софи награждает ее белозубой улыбкой. Подругу едва видно из-за руля громадного автомобиля. Муж, сидящий рядом, замер. Его лицо слегка позеленело.

– И как тебе, дорогая, мое новое авто? – спрашивает Софи, перекрикивая рокот мотора. – «Мерседес-бенц», не что-нибудь. Подарок от Генри на день рождения, – добавляет она, поглаживая мужа по голове, будто лабрадора.

– Элино́р! – улыбается Генри и приветственно поднимает руку. – Слава богу, добрались! Моя жена гонит с бешеной скоростью. Ох уж эти женщины-шоферы! Из-за них дороги стали опасными. Надо запретить им водить машину.

– Покатался бы ты с Эдвардом, – бормочет себе под нос Элино́р, улыбаясь и маша гостям.

Лорд Генри Грант-Паркер выпрыгивает из машины и неспешно обходит ее, чтобы открыть дверь жене. Его движения исполнены легкости и изящества. Это принадлежит ему по праву рождения, как и всем выходцам из его класса. Обходительность, утонченность и уверенность в собственном превосходстве подавались им вместе с молоком на завтрак.

Софи снимает шоферские перчатки и развязывает ленту, удерживавшую ее шляпу на голове. Она посылает воздушный поцелуй подруге.

– И ты вела эту громадину из самого Лондона? – спрашивает Элино́р, глядя на невероятно длинный, элегантный серебристый корпус автомобиля. Ей он кажется напичканным опасностью. – Какая же ты смелая!

– Мне это нравится. Вождение неплохо встряхивает. Правда, пришлось сидеть на подушке, иначе бы я ничего не увидела. Да и эти чертовы педали нажимать тяжеловато. Зато я обожаю, когда все торопятся убраться с дороги, видя, как я с грохотом мчусь прямо на них. Вот такие шутки! И потом, Генри нравится ехать пассажиром. Правда, дорогой? Мы что же, прибыли первыми? А кто еще сегодня будет?

– Замечательный день для тенниса, – говорит Генри, широко раскидывая руки. – Эдвард, полагаю, уже на корте. Решил поупражняться с утра пораньше?

Он улыбается и взмахивает воображаемой ракеткой.

– Нет, он...

– Ты посмотри на себя! – восклицает Софи, беря Элино́р под руку, и они входят в дом. – Прячешься в этом чертовом захолустье! Тебя целую вечность не было на пятничных суаре. Почему? Никак, дражайшая подруга, ты меня избегаешь?

– Нет! Дело в...

– А где твоя младшая сестрица? Вернулась из своих странствий?

– Да, Роуз вернулась. Мне нужно с тобой поговорить о ней.

– Умираю от желания услышать, как ей жилось в Париже. И про Италию тоже. Где она там побывала? В Риме? Во Флоренции? Ей обязательно нужно было повидать Флоренцию и Сиену – мои любимейшие города. Генри, не отставай...

Роуз и ее красивая, словно фея, подруга Кларисса забрели на кухню и о чем-то просят миссис Беллами. Та уперла руки в бока и отчаянно мотает головой.

– Я не готовлю никакой иностранной дребедени. Желаете таких кушаний – отправляйтесь в Лондон. Там полно дорогих ресторанов, где это готовят. Я свое поварское ремесло уважаю и готовлю настоящую английскую пищу, – твердо заявляет повариха.

– Но у Клариссы...

– Вот вы где! – Элинор впархивает на кухню и выразительно смотрит на Роуз.

«Немедленно прекрати!» – говорит ее взгляд. Сердить миссис Беллами ни в коем случае нельзя, иначе все прочувствуют на себе ее дурной характер. Не далее как в прошлом месяце им пришлось целую неделю есть пережаренное, сухое, пересоленное мясо и водянистые овощи. Причина – неуместное замечание Эдварда.

– Роуз, Кларисса, выйдите на террасу и поздоровайтесь с лордом и леди Грант-Паркер.

Кларисса стреляет своими большими глазами в сторону Генри и закусывает губу.

– Миссис Беллами, пожалуйста, попросите Элис принести нам кувшин лимонада и стаканы. И шампанское со льдом. А как восхитительно пахнет ваш ланч, – говорит Элинор, награждая повариху самой теплой и благодарной улыбкой.

Гости собираются на задней террасе под голубым небом и облаками, напоминающими взбитые сливки. Внизу простирается лужайка для крокета и розовый сад Элинор. Дальше начинается главная лужайка, тянущаяся по пологому склону к теннисным кортам и кустам рододендрона. В беседке, увитой глицинией, Фолкс и Берти уже почти накрыли стол для ланча, который будет подан сюда после тенниса.

– Так что ты хотела мне сказать насчет Роуз? – спрашивает Софи, покачивая бокалом с шампанским.

Убедившись, что их никто не слышит, Элинор наклоняется к уху подруги и рассказывает ей о Марселе, французском любовнике сестры, о недовольстве Эдварда и дурацком желании Роуз стать журналисткой и содержать этого француза, пока он взращивает в себе художника.

– Весьма декадентская история, – комментирует Софи, прикрывает глаза и искоса смотрит на Элинор, потом затягивается сигаретой. – Но мне в нем что-то понравилось. Обаятельный, сексуальный француз? Малость банально, однако... Уверена, он довольно скоро ей наскучит. Мы можем найти не менее обаятельного англичанина, который ее переманит. Дорогая, предоставь это мне. Кстати, почему бы вам обоим не приехать ко мне в следующие выходные? Я бы могла познакомить твою сестру кое с кем.

– Ой, я не смогу поехать. Не могу оставить Мейбл.

– Почему бы нет? Я оставляю двух своих спиногрызов при каждой возможности.

Элинор и не ждет особо тесных отношений между Софи и ее сыновьями Себастьяном и Фредди. Та же прохладность, что в отношениях подруги с ее матерью. Элинор дружит с Софи еще с довоенных времен, когда они учились в закрытой школе. Мать Софи она видела один или два раза во время каникул: холодную, пугающего вида матрону. Неизменными спутницами в детстве и отрочестве Софи были горничная, няня и компаньонка.

– Когда они вырастут и станут поучтивее, – продолжает Софи, – быть может, я стану проводить с ними побольше времени. Ничего, закрытая школа их укротит. Превратит из необузданных зверенышей в дрессированных, воспитанных юношей. А сейчас чем меньше я их вижу, тем лучше. Три и два года – поистине утомительный возраст, – со смехом заключает Софи.

Элинор делает глубокий вдох.

– Софи, я вновь беременна. Этого ребенка я ни в коем случае не должна потерять, – говорит она, обходя тему Мейбл.

– Угораздило же тебя!

– Вообще-то, уместнее было бы меня поздравить.

– Это само собой. Можешь считать, что поздравила. И в то же время тебе не повезло. Сказывается на фигуре. Я целых девять месяцев отвратительно себя чувствовала. – Софи под-

нимает фужер. – За твою удачу, подружка. И за старые добрые времена, – улыбается она. – Как Эдвард? – Щурясь, Софи смотрит в сторону кортов, куда направляется первая партия игроков.

– Работает даже дома, – вздыхает Элино́р. – Занят под завязку. По-моему, он тащит на себе непомерный груз. Вынужден всю неделю проводить в лондонской квартире.

– Да? – Софи внимательно смотрит на Элино́р и слегка хмурится. – Знаешь, а тебе стоит постоянно навещать его на Блумсбери. Делать ему сюрпризы. Держать его в напряжении. Мужчина, на всю неделю оставленный в городе, подвержен разнообразным искушениям.

– Эдвард на такое не способен, – смеется Элино́р. – Не тот типаж.

– Все мужчины одинакового типажа. Можешь мне верить, Элино́р.

Элино́р смотрит в сторону Генри, губы которого почти касаются уха шаловливой, хихикающей Клариссы. Элино́р моргает и смотрит снова. Нет, ей не показалось, Генри и Кларисса флиртуют в открытую. Почему он так себя ведет, зная, что жена рядом? Увидев, куда смотрит Элино́р, Софи раздувает бледные ноздри.

– Очередное маленькое развлечение Генри, – говорит она, глубоко затягиваясь сигаретой.

Софи в белом шелковом платье, отороченном кружевами, выглядит образцом изысканности. Красавицей ее не назовешь, но она изящна и элегантна. По всему видно, что Брук-Энд не место для нее. Она слишком лощеная, слишком величественная для мировосприятия этого сельского жилища среднего класса, если, конечно, у дома есть мировосприятие. Разумеется, Брук-Энд не похож на большой загородный дом Генри в Глостершире. Там все дышит высокомерием. Там глаз постоянно натывается на драгоценные предметы старины, заставляющие посетителей охать и ахать. Брук-Энд – дом не для показа, а для жизни. Его пространство наполнено деревом янтарного цвета и уютными диванами. На кофейных столиках громоздятся книги, упрасивающие, чтобы их прочли. В маленькой гостиной стоит мольберт с незаконченным изображением сада. Элино́р так и не соберется его дописать. Повсюду валяются осколки и обломки – это Мейбл познаёт мир. Элино́р такой беспорядок ничуть не раздражает. Она знает, что к концу дня мисс О'Коннелл все уберет.

Генри обнимает Клариссу за талию. Элино́р становится не по себе. Каково Софи это видеть? Ведь ее публично унижают. Бедняжка Софи, она пьет свою горькую чашу сполна. В прошлом лорд Генри Грант-Паркер считался завидным женихом, пока не остановил свой выбор на ней. Газеты ее обожают. Леди Грант-Паркер считается законодательницей моды и стиля. Во время лондонского сезона ее фотографии постоянно появляются на страницах светской хроники. Она посещает скачки и спортивные состязания, появляясь в новых нарядах: от Шанель – на Королевских скачках в Аскоте, от Скиапарелли – на автогонках в Гудвуде, от Ланван – на регате в Хенли. Другие женщины хотят все, что есть у Софи. Кажется, и ее мужа тоже. Испытывая омерзение, Элино́р отворачивается.

– Давай спустимся вниз и посмотрим на теннисистов, – предлагает Софи; она сидит прямая, как струна, с высоко поднятой головой.

– Хорошая мысль.

Элино́р берет Софи за руку, надеясь выразить ей поддержку. Глазами она ищет среди гостей Роуз и замечает сестру разговаривающей с дочерьми Лейтонов. Элино́р подзывает Роуз к себе.

– Ты не прогуляешься с Софи к кортам? Я обещала Мейбл, что приведу ее на взрослое торжество. Я скоро вернусь, – добавляет Элино́р, обращаясь к подруге.

Элино́р спешит в дом и поднимается в детскую. Перед мысленным взором продолжают мелькать отвратительные сцены: Генри, флиртующий с Клариссой, девушкой почти вдвое моложе его. Какой позор! А сама Кларисса? Родителям нужно внимательнее следить за дочерью, не то она превратится в такой же «бракованный товар», как Роуз. Боже мой, Роуз! И как она могла? Куда ни глянь – повсюду натывается на половую распущенность. Элино́р вздра-

гивает, радуясь, что проделки Роуз хотя бы неизвестны обществу. Элинон приложит все силы, чтобы сохранить это в тайне.

– Вот ты где!

Элинон улыбается Мейбл, играющей на полу в островке солнечного света. В руках у дочери тряпичная кукла Пруденс, которую малышка держит за ноги. Кукольные волосы из желтой шерсти свисают вниз.

– Мама! – Мейбл встает с пола. – Должна тебе сказать, Пруденс очень плохо себя вела. Я ей сказала: «Ты плохая, совсем плохая куколка! У тебя внутри живет дьявол, и потому ты такая плохая».

– Да ну? Уверена, внутри Пруденс нет никакого дьявола.

И откуда только ребенок набрался этой чепухи?

– Есть, – с недетской серьезностью возражает Мейбл. – Потому я и держу ее вниз головой, чтобы дьявол из нее выпал. Понимаешь?

– Понимаю.

Мейбл бросается в объятия матери. От малышки слегка пахнет теплым молоком и сладковатой лавандой.

– Хочешь пойти со мной и посмотреть, как леди и джентльмены играют в теннис?

Элинон ставит Мейбл на пол и опускается на корточки, чтобы их лица были вровень друг с другом.

– А мне можно поиграть?

– Не в этот раз, дорогая. Ты еще слишком маленькая.

– У-у. – Мейбл выпячивает нижнюю губу и хмурится. – Это нечестно!

– Мейбл, нельзя разговаривать так с мамой! – заявляет мисс О'Коннелл; лицо няни сурово, а сама она убирает выстиранное белье девочки в шкаф. – Извинись, иначе ты вообще не увидишь тенниса!

– Извини, мама, – бормочет Мейбл, щеки которой мигом краснеют.

Элинон оглядывается на няню. Похоже, та сегодня чрезмерно строга.

– Тише, – говорит она, сжимая пухлые ручонки Мейбл и улыбаясь. Пусть знает, что мама, в отличие от строгой мисс О'Коннелл, на нее не сердится. – Мы с тобой поиграем в теннис в другой раз. Так ты хочешь пойти со мной и посмотреть состязания? Но ты должна обещать, что будешь хорошей девочкой и не станешь никому мешать.

Мейбл энергично кивает, а мисс О'Коннелл твердым голосом говорит:

– Когда тебе всего четыре года, кажется, что теннисные состязания длятся целую вечность. Через некоторое время я приведу Мейбл на корт, а у вас будет время пообщаться с гостями, как и надлежит каждой хорошей хозяйке.

В груди Элинон что-то надламывается. Несносная женщина! Будет ее учить, как себя вести на своем же приеме.

– Няня, я возьму ее с собой, – не менее твердо отвечает Элинон. – Она перекусит с нами, а если устанет, я отведу ее к вам. – Элинон приветливо улыбается мисс О'Коннелл. – Идем, Мейбл.

Выйдя из детской, мать и дочь видят на площадке Эдварда, успевшего надеть теннисный костюм.

– Папа! – Мейбл берет его за руку, и они спускаются, оба считая ступеньки.

Они доходят до границы верхней лужайки и сада. Мейбл бросается играть в прятки, прячась за кустами и шток-розами и громко смеясь всякий раз, когда Эдвард ее находит. Элинон улыбается. Солнце согревает ей плечи. Со стороны корта слышны глухие удары ракеток по мячу, перемежаемые смехом и криком.

Неожиданно Эдвард опускается на корточки перед Мейбл. Малышка замерла, точно статуя, протянув руку и указывая на что-то невидимое. У Элинон сердце уходит в пятки.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, – произносит Эдвард. Он смотрит туда, куда указывает пальчик дочери. – Какая леди с огненными волосами? Я никого не вижу. Думаю, ты просто перепутала. Ты хотела сказать «с рыжими волосами». Так мы называем этот цвет волос.

– Мне она не нравится, – говорит Мейбл, и Элинора становится не по себе.

Ни в доме, ни среди гостей нет рыжеволосых женщин.

– Мейбл, здесь нет никакой леди. – Эдвард выпрямляется и протягивает дочке руку. Она протягивает свою, но другой рукой продолжает указывать в пространство между кустами. – Если ты будешь себя хорошо вести, мама, быть может, позволит тебе съесть кусок медового кекса, испеченного миссис Беллами.

Мейбл чмокает губами. И вдруг, словно сраженная пулей, падает, растягивается на траве и извивается всем телом.

– Элинора! – вскрикивает Эдвард.

Ее разум соображает медленно и как-то отстраненно, словно она смотрит на происходящее сквозь пелену тумана или из-за занавески. Она убеждала себя, что случаи на станции и на пикнике не означают ничего страшного. И вот – третий раз. Теперь уже не отмахнешься. Элинора видит, как Эдвард дает Мейбл быструю и сильную пощечину, словно намеревается разбудить. Поначалу малышка не реагирует, затем открывает затуманенные глаза.

– С нашим ребенком что-то происходит! – Эдвард ошеломленно глядит на жену. – Как ты думаешь, не заболела ли она чем-нибудь?

Элинора качает головой и опускается на корточки рядом с Эдвардом. Оба смотрят на дочь.

– Эдвард, – тихо начинает она, – это уже не в первый раз. Я и раньше видела ее в таком состоянии.

– Что-о? Почему мне не сказала? Элинора, когда это началось? Сколько раз ты это видела, черт побери?!

– Я думала, быть может... быть может, в этом нет ничего особенного.

Малышка поворачивается и смотрит на мать. Глаза девочки принимают осмысленное выражение.

– Мама, – слегка дрожа, произносит она и протягивает ручки.

Элинора опускается на траву и сажает дочь на колени. Она выдерживает взгляд Эдварда. Оба думают одинаково.

– Я отведу ее в дом, – дрожащим голосом говорит Элинора. – Попрошу мисс О'Коннелл уложить ее на пару часов в кровать.

– Это было бы лучше всего. – Эдвард смотрит на Элинору; его лицо напряжено до предела, отчего ее сердце готово разорваться. – Нам нельзя никому об этом рассказывать. – (Она тупо кивает.) – До тех пор, пока мы... не проконсультируемся.

– Я... я скажу мисс О'Коннелл и гостям, что Мейбл споткнулась, упала и ударилась головой. – Элинора отводит волосы, закрывающие глаза Мейбл. – Теперь ей надо отдохнуть.

– До сих пор не понимаю, почему ты мне сразу не сказала, – тихо говорит Эдвард.

– Я боялась. К тому же у нашей малышки живое воображение. Думала, она чрезмерно утомилась. Отдохнет, и все пройдет. Я не хотела обращаться к врачу из-за...

Эдвард кивает:

– А мисс О'Коннелл упоминала о чем-нибудь подобном?

– Нет, ни разу, – отвечает Элинора.

– Возможно, мы напрасно беспокоимся, – скупно улыбается Эдвард.

– Эдвард! – громогласно зовет его с корта Бартон. – Нам нужен четвертый!

– Иду! – отвечает Эдвард.

– Включайся в игру, – говорит Элинора, сдерживая дрожь в голосе. – По пути домой я раздобуду для Мейбл кусок медового кекса. Может, все дело в голоде. Она же с самого утра ничего не ела! Это моя вина. Надо было сказать мисс О'Коннелл, чтобы заранее ее покормила...

Эдвард касается колена жены:

– Элино́р, не вини себя. Возможно, ты права. Кекс – это хорошо. Сладкое ей сейчас пойдет на пользу.

Она смотрит, как муж уходит на корты. Всего раз он оборачивается и машет ей. Элино́р понимает: надо побыстрее увести Мейбл, пока гости не начали задавать вопросы. Софи ждет, что они продолжат разговор, но ей сейчас не до беседы. Элино́р чувствует навалившееся утомление.

Она крепко прижимает дочь к себе и качает, пока голова малышки не упирается ей в грудь. Через мгновение Мейбл уже спит. Ее розовые губки раскрыты, глаза слегка подрагивают под сомкнутыми веками. Ее кожа персиково-кремового цвета гладкая и нежная. Недавняя бледность сменилась легким румянцем. Элино́р никогда не наскучит смотреть на это личико, знакомое, как свое собственное.

Глава 6

Эдвард

Банк «Коулрой и Мак» находится в доме номер 24 по улице Чипсайд. Неприметное здание, беленые стены снаружи и добротная темная отделка тиковым деревом изнутри. Скромный банк, не чета финансовым гигантам акционерных обществ, но зато здесь особое отношение к каждому клиенту. Специализированный банк для состоятельных людей; для тех, кому важно знать, что их деньги находятся в хороших, надежных руках; где задают мало вопросов, но делают все, дабы как можно полнее учесть интересы клиента. Вкладчиком «Коулроя и Мака» был и отец Эдварда, храня здесь свое состояние, нажитое нелегким трудом. Стараниями банкиров деньги Хэмилтона-старшего значительно умножились в основном за счет вложений в стремительно развивающиеся отрасли американской экономики – электротехническую и сталелитейную. Сейчас владельцы банка с такой же проницательностью стараются приумножить деньги Эдварда посредством операций на финансовом рынке.

– Я не люблю рисковать, – неоднократно заявлял мистеру Коулрою Эдвард, когда тот заводил разговор о спекуляциях на фондовой бирже.

– Нынче все занимаются подобными спекуляциями, – отвечал ему мистер Коулрой. – Прекрасный способ сделать быстрые деньги.

Однако Эдвард упорно не поддавался на искушение.

– У меня достаточно денег, – не раз говорил он мистеру Коулрою, – и я хочу, чтобы все оставалось по-прежнему.

Любое рискованное предложение его нервировало.

– Как вам будет угодно, – бормотал мистер Коулрой, соглашаясь на апробированные вложения в надежные компании и государственные облигации и оставляя спекуляции волатильными ценными бумагами, фьючерсами и опционами для более смелых душ, нежели его клиент.

Мистер Коулрой наверняка родился и вырос в обеспеченной семье, где не волновались из-за нехватки денег. Поэтому он не знал и вряд ли мог понять, что у Эдварда есть все основания думать по-другому. Об этом, пусть и весьма скупно, писал Джеймс Джойс в своем «Улиссе». Отец писателя был одним из тех, кто проделал путь из низов наверх исключительно за счет собственного трудолюбия и упорства.

В двенадцать лет отца Эдварда отправили работать на шахту. Жалованье доставалось ему нелегко, и к каждому пенни он относился с такой заботой и почтением, что это вызвало бы глубокое восхищение у дядюшки Скруджа. Такое же внимательное, трепетное отношение к деньгам укоренилось и в Эдварде. Он не шел ни на какие риски и не допускал, чтобы деньги утекли сквозь пальцы, ибо слишком хорошо понимал витающую над ним возможность обеднеть.

Благодаря природному уму и неустанному труду отец накопил достаточно денег. Семья жила скромно, занимая небольшой домик и довольствуясь простой одеждой, простой пищей и простой мебелью. В детстве Эдвард был счастлив, ибо не знал иной жизни. Единственной статьей расходов, на которые отец не скупился, было образование сына и намерение поднять Эдварда выше уровня рабочего класса.

Однако реакция новых соучеников Эдварда на его незнатное происхождение была жестокой. Он быстро начал стыдиться своих «неотесанных» родителей и «жалкого домишки». С тех пор он делал все возможное, только бы скрыть свое происхождение, компенсируя историю семьи резкими выступлениями против низших слоев общества, чтобы ни у кого не закралось сомнений насчет его принадлежности к верхушке среднего класса. Даже Элинор не знала, сколь скромно начиналась его жизнь, а если бы знала – ни за что не вышла бы за него. В этом он уверен. Пусть ее семья и пережила тяжелые времена из-за гибели братьев и смерти родителей, но все они выходцы из добропорядочного сословия.

Он же был аномалией. Яркой искрой среди пепла и копоти низших классов.

– Доброе утро, мистер Хэмилтон, – здоровается с ним секретарша средних лет.

Ее седые волосы убраны в аккуратный узел. Невысокого роста, она кажется совсем маленькой за своим громадным письменным столом. Его узнают в лицо. От этого в груди разливается приятное тепло.

– У вас назначена встреча? – спрашивает она, водя пальцем по четко выписанным строчкам увесистого настольного календаря в солидном кожаном переплете.

– Доброе утро. Нет, сегодня у меня никаких встреч. Я зашел снять деньги.

– Конечно. – Секретарша поднимает на него глаза и улыбается. – Проходите.

Она открывает массивную дверь и вводит Эдварда в помещение, где сидят несколько клерков, склонившихся над конторскими книгами. Опять эта тупая, пульсирующая головная боль. Как же она ему мешает. Едва ли стоит ей удивляться. Он постоянно страдает от головных болей. Стустки боли ударяют ему в череп. Помимо этой напасти он отвратительно спит по ночам. Минувшей ночью, что часто бывает накануне таких дней, как этот, он практически глаз не сомкнул. А теперь, после теннисных состязаний на выходных, к чередке его обычных забот добавилась тревога за Мейбл. К своему удивлению, он обнаруживает, что молится Богу, в которого больше не верит, и просит, чтобы увиденное оказалось не более чем случайностью.

Секретарша подводит его к кассиру.

– Передаю вас в надежные руки мистера Джонса, – с улыбкой говорит она и возвращается за свой громадный стол.

Джонс порывисто встает, сдвигая в сторону бумаги, с которыми работал, тянется через стол, чтобы пожать Эдварду руку, и роняет авторучку.

– Добрый день, мистер Хэмилтон. Надеюсь, ваша семья в добром здравии? Желаете получить обычную сумму? – спрашивает кассир, нагибаясь за ручкой, успевшей закатиться за стул.

Характер у Джонса нервный. Он еще совсем молод, но уже успел приобрести землистый цвет лица. Он одет в мятый костюм с тонким галстуком. Одному дьяволу известно, чего он так нервничает при встрече с Эдвардом. Эта процедура повторяется ежемесячно. Пора бы привыкнуть. Эдвард видит, что у парня подрагивает рука, когда он косым почерком выводит на чеке сумму. Эдварду остается лишь подписать чек. Может, парень думает, что эти регулярные крупные суммы наличными имеют криминальный подтекст? Эдвард внутренне усмехается нелепой мысли. Он хорошо известен в обществе. Достаточно сказать, что его часто цитируют по радио, в передачах Британской вещательной корпорации. Его репутация безупречна.

– Прошу немного подождать, – говорит Джонс, берет чек и скрывается за другой дверью, чтобы принести деньги.

В комнате тихо. Поскрипывает чье-то перо. Один из клерков елозит на стуле, а другой откашливается.

Эдвард откидывается на спинку стула и подносит к глазам часы. В висках пульсирует боль. Он начинает массировать затекшие мышцы шеи и плеч. Половина одиннадцатого. Есть время прогуляться. Все лучше, чем трястись в грязной, душной подземке. Приятная прогулка вдоль реки – как раз то, что надо. Возможно, свежий воздух избавит его от проклятой головной боли.

Он представляет, как Элинор звонит доктору Харгривсу, о чем они договорились в тот день. Боже, ему срочно нужна сигарета! Он достает из пиджака портсигар, раскрывает его и вытаскивает сигарету. В день консультации он обещал приехать домой, хотя его неделя под завязку забита встречами, лекциями и письмами. Эдвард чиркает спичкой и закуривает. Его ладони липкие от пота. Он затягивается, проглатывает дым. Приток никотина успокаивает его.

Хлопает дверь, заставляя Эдварда подпрыгнуть. Вернулся Джонс.

– Ну вот и я, мистер Хэмилтон, сэр. Прошу извинить за ожидание.

Кассир возвращается на свое место, поддвигает Эдварду пепельницу и, тяжело дыша, отсчитывает фунтовые купюры.

– Вся сумма, – объявляет он, кладя последнюю купюру. – Двадцать шесть фунтов.

– Отлично. Благодарю вас, Джонс.

Он тушит сигарету, берет деньги и кладет в большой конверт, специально принесенный для этой цели. Конверт он опускает в свой тонкий портфель. Затем встает и крепко пожимает руку кассира своими холодными, липкими пальцами.

– До встречи в следующем месяце, Джонс, – говорит Эдвард, надевая шляпу. – Удачного вам дня. До свидания.

Коротко улыбнувшись, он возвращается в приемную.

Завидев Эдварда, швейцар кивает и распахивает дверь. Эдвард выходит на улицу и делает глубокий, затяжной вдох. Его сердце равномерно бьется, в ушах тоже стучит. Головная боль еще сильнее сдавливает виски.

Улица полна легковых автомобилей, грузовиков, велосипедов и неуместно выглядящих здесь конных повозок. Машины громко сигналият, люди кричат. Уличное движение почти замерло. Подходя к берегу Темзы, Эдвард видит, что и река запружена транспортом. Баржи везут уголь, бревна и различные товары. Рядом с ними плывут парусные суда, пыhtят буксирчики, проносятся прогулочные катера, неспешно движутся рыбацьи лодки. Лондон стал местом обитания громадной массы людей, превратился в кипящий котел, где перемешались богатство и бедность, высшие слои и низы, мозги и мускулы. Весь город лихорадочно старается оставить позади ужасы войны и на всех парах несется... к чему? К чему-то лучшему или, наоборот, к худшему? Куда бы ни привел этот курс, Эдвард, наряду со всеми, несется в общем потоке, не в силах противиться кипучей энергии Лондона.

Он прибавляет шагу и задумывается о прошлом. Его мысли мрачны. По-настоящему освободиться от прошлого невозможно. Груз прошлого, его хватка, как бы сам Эдвард и этот прекрасный город ни противились, медленно, но верно будут их всех душить, пока, один за одним, это сломленное поколение в молчаливом крике не сойдет на нет.

Только тогда наступит настоящий мир...

Вайолет ждет в условленном месте, на скамейке за железнодорожной станцией Блэкфрайерс. Здесь они встречаются в летние месяцы. Зимой излюбленным местом их встреч является паб «Голова королевы», где можно погреться у камина и где Эдвард обычно пьет кофе, а Вайолет – джин с лаймом. Эдвард предпочитает летние встречи. Сидишь с ней рядом на скамейке, смотришь на прохожих и не видишь ее глаз.

Заметив его, Вайолет пытается встать.

– Доброе утро, капитан... в смысле, мистер Хэмилтон.

– Пожалуйста, не вставайте, – протестует Эдвард и поднимает руки, подкрепляя свой протест.

Ощущая неловкость, он останавливается перед скамейкой. Вайолет – худощавая тонкокостная женщина неопределенного возраста. Он знает, что ей около тридцати, но, судя по обвислой коже вокруг рта и глаз, ей могло быть и больше. Ее длинные пепельно-каштановые волосы туго закручены на затылке. Одежда скорее практичная, нежели модная. Но лицо у нее приятное, с правильными чертами. Эдвард всегда теряется и не знает, как правильно себя вести. Ограничиться рукопожатием? Или поцеловать в щеку?

– Как дела? – вместо этого спрашивает он и, избегая любых прикосновений, садится рядом.

– Неплохо, сэр, – отвечает она. – А ваши? Как ваша семья?

Эдвард чувствует взгляд Вайолет, скользящий по его дорогой одежде, до блеска начищенным ботинкам и, наконец, по его лицу с резкими чертами. Он так и не может заставить себя

посмотреть на нее. Пока не может. Вместо этого он смотрит перед собой, игнорируя постоянный стук в висках. Он разглядывает окрестный пейзаж. Лондонские платаны густо покрыты чудесной листвой. На другой стороне улицы человек продает розы из ведра. Одну розу он держит в руке, протягивая прохожим: «Полдюжины роз всего за шесть пенсов!» Рядом с поребриком расположился газетный лоток. Со скамейки Эдварду видны крупные заголовки газет.

ВОЗДУШНЫЕ НАЛЕТЫ НА ЛОНДОН. Последняя атака минувшей ночью закончилась пожаром истребителя. Министерство вынуждено признать: учебный налет выявил пробелы в противовоздушной обороне Лондона.

БЕЗРАБОТИЦА РАСТЕТ! На 30 июля зарегистрировано 1 354 000 безработных.

СТАБИЛИЗАЦИЯ В УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. Цель переговоров – расширить рыночную схему пяти графств, чтобы остановить снижение цен и решить вопрос с излишками угля на рынке.

Более всего Эдварда интересует самый верхний заголовок. «Воздушные налеты». Уже несколько ночей подряд в Лондоне устраивают учебные воздушные тревоги, имитируя налеты на город. Подготовка к новой войне, когда и через десять лет после конца прошлой страна до сих пор залечивает свои раны. Эдвард помнит тогдашние обещания: эта война положит конец всем войнам. Но, увы, обещания, подобно людям и древним книгам, столь же хрупки и рассыпаются в прах. У Эдварда учащается пульс. Он отводит глаза от лотка, выпихивая мрачные мысли на задворки сознания.

Он смотрит на спутницу и вспоминает, что не ответил на ее вопрос.

– Благодарю, Вайолет, у меня все в порядке. – Он замолкает, думая, уместно ли делиться с этой женщиной своей радостью. – Я снова буду отцом, – все-таки признается он.

Нужно поддерживать разговор, избегая неловких пауз.

– Мои поздравления, сэр. Рада за вас. Гляжу, вы нынче стали таким занятым. Пару раз видела ваше имя в газетах. Только хоть убей, чтобы я поняла, о чем там речь. – Она шаркает ногами. – Тут такое дело... Я ж тоже беременна. Пятым, – с сопением добавляет она.

Эдвард поворачивается в ее сторону и понимает: подходя к скамейке, он не заметил округлившейся фигуры Вайолет.

– И так столько ртов кормить. А тут еще моего Боба снова поперли с работы, – хмуро добавляет она. – Уж как я надеюсь, что этот будет последним... – Она умолкает.

Замешательство, возникшее после ее слов, только крепнет.

– Но вы же знаете: есть способы. – Эдвард чувствует, что краснеет, однако продолжает. Это важная тема, и такие, как он, не должны проявлять щепетильность и стыдливо молчать. – Об этом написана целая книга. Называется «Любовь в замужестве».

– Не привыкла я книжки читать. Сами понимаете, времени нет.

– Конечно. Но вышло так, что я хорошо знаком с автором книги. У нее есть клиника, клиника для матерей. Здесь, в Центральном Лондоне. Стоупс ее фамилия. Мэри Стоупс. Она помогает женщинам вроде вас. Я могу написать сопроводительное письмо.

– Не потяну я такие расходы, – говорит Вайолет.

Эдвард видит, как она сразу съеживается, опускает голову. Пальцы на коленях беспокойно шевелятся.

– Нет-нет, – торопливо продолжает Эдвард. – Клиника бесплатная для всех замужних женщин. Мэри способна помочь вам методами... – Ему не придумать, как бы поделикатнее выразиться.

На лекции или в клинической среде он бы употребил привычные слова «противозачаточные средства», «контроль рождаемости» или даже, если среди аудитории находились аме-

риканцы, – «планирование семьи». Но сейчас, сидя с Вайолет на залитой солнцем скамейке, он сознает всю щекотливость подобного разговора.

– Я с большим удовольствием напишу вам сопроводительное письмо, – повторяет он. – По моему мнению, пятеро детей – это более чем достаточно для семьи с ограниченными средствами. – Он закусывает губу. – Я имел в виду...

– Это очень любезно в вашей стороны, капитан... мистер... сэръ, – перебивает его Вайолет, щеки которой стали пунцово-красными. – Я... в общем... запишу-ка я, как ее зовут, и адресок.

– Конечно.

В их разговоре возникает пауза.

– И тем не менее мои искренние поздравления в связи с прибавлением семейства, – наконец говорит Эдвард. – К каждому ребенку нужно относиться как к сокровищу.

Он говорит медленно, сознавая, что у него напряжена челюсть. Потом замолкает, чтобы снять напряжение. Когда ты вынужден общаться с людьми вроде Вайолет, такие слова кажутся правильными и уместными. Говоря же о подобных ей в общем смысле, гораздо легче говорить о катастрофе многодетности для семей с низким достатком и низкой рождаемостью среди тех, чей достаток позволяет иметь много детей. Состоятельным людям, как говорится, сам Бог велел... Эта пауза длится дольше предыдущей. Оба знают, куда обязательно повернет их разговор.

– Ну и как он? – спрашивает Эдвард.

Вайолет мотает головой и фыркает:

– Неважнецки.

– Печально слышать.

– У него то вверх, то вниз. Сами знаете. Сейчас на самом дне. Совсем отчаялся. Разуверился в себе. В этом вся заковыка. Надо его чем-то взбодрить. Навестили бы его, глядишь...

– У меня нет времени! – Голос Эдварда звучит жестче, чем ему хотелось бы. Он откашливается. – Точнее, нет времени в данный момент. Я чертовски занят! Читаю лекции, пропагандируя свою недавнюю книгу. Хватает и дел в клинике. Но главное мое занятие – исследование. В университете и в совете графства Лондонского округа. Вдобавок я еще и семейный человек. По выходным... Меня жаждают видеть дома. Маленький ребенок, второй на подходе. Моя жена Элинора... Она бы очень удивилась...

– Конечно, – торопливо соглашается Вайолет и продолжает с извиняющимися интонациями: – Понимаю. Вы такой важный человек. И чего я только напридумала...

– Все в порядке. Я бы с большим удовольствием заглянул к вам. Но, увы, не сейчас.

За все пять лет своей семейной жизни он так и не нашел времени.

– Тревожусь я за него, вот в чем дело, – говорит Вайолет, и у нее дрожит голос. – А вскоре мне вообще будет куда не выбраться. Месяца через два рожать. Я езжу каждое воскресенье, после церкви, хотя с трудом наскребаю на поезд.

– Это... Это очень любезно с вашей стороны, Вайолет, – мягким голосом произносит Эдвард.

И наконец он поворачивается к ней. У нее такие же красивые глаза, потрясшие его еще в первую их встречу, но выглядит она сейчас намного старше. Кажется, что груз забот незаметно, по капельке, лишал ее привлекательности, пока не погасил сияние молодости. В уголках глаз появились «гусиные лапки», на лбу пролегли морщины. Губы утратили былую полноту и сочность. Он отворачивается.

Эдвард мысленно ищет, о чем бы еще поговорить. Найти бы нейтральную тему, чтобы их разговор продолжался. Ему хочется оттянуть унизительный финал их встречи. Но мозг отупел от головной боли и недосыпания. Эдвард произносит несколько банальных фраз о погоде и возросшем уличном движении в Лондоне.

Наконец он собирается с духом, кладет на колени портфель и достает плотный коричневый конверт. Наступил момент, ради которого они здесь встречаются.

– Итак, моя дорогая...

Он кладет конверт в ее теплую руку, накрывая ее пальцы своими, липкими от пота. Так легче. Передача наличных. Это невозможно проследить. Ни у кого не возникнет вопросов.

– Вот пособие на этот месяц.

– Премного благодарна, сэр.

Вайолет быстро убирает конверт в сумочку, защелкивает ее и крепко, до белизны костяшек, стискивает ручки.

– Может, добавить к этой сумме? – помешкав, спрашивает он. – Нелишним будет для ваших малышей.

– Нет, капитан... мистер Хэмилтон. Вы и так очень щедры. – Она выпрямляет спину. – Благотворительности нам не надо. Мы справимся. Но все равно спасибо.

Он встает и протягивает Вайолет руку. Несколько секунд она смотрит на него, затем протягивает свою и с его помощью встает со скамейки. В животе Эдварда возникает знакомое бурление, появляющееся всякий раз, когда они встречаются. Его охватывает неудержимое желание повернуться и убежать, чтобы никогда больше не встречаться и не видеть благодарности в ее глазах. Но он встретится с ней снова, поскольку должен. Эта цепь навсегда будет связывать его с постыдным прошлым.

– Мне уже надо быть в другом месте, – помолчав, говорит он. – Всего наилучшего вам и вашей семье. До следующей встречи, – добавляет он, надевая шляпу.

– Да, сэр. До следующей встречи. Благодарю вас от всего сердца! – Вайолет похлопывает по сумочке.

Эдвард быстро уходит.

Эдвард обводит глазами ряд бледных лиц, вззирающих на него в душевной комнате на четвертом этаже Вестминстерского дворца, где проводятся заседания комитета.

– Говорю вам, здесь представлены все данные. Наука не может лгать. – Он постукивает ладонью по толстой пачке отчетов о своих последних исследованиях в области образования.

Об их результатах он докладывает членам комитета, учрежденного Министерством образования. В школьных классах постоянно возрастает число умственно неполноценных детей, и попытки обучать их порождают проблемы, решить которые и пытается этот комитет.

– У меня есть дополнительные материалы по исследованиям, проведенным в Америке известным ученым Карлом Бригамом. Он наблюдает аналогичное снижение уровня умственных способностей. Что же касается Америки, там, как мне говорили, снижение умственных способностей вызвано иной причиной – главным образом возросшей иммиграцией и интеграцией в американское общество людей из менее развитых рас. Работы Бригама привели к принятию закона по ограничению иммиграции, а также к осуществлению успешной политики стерилизации и изоляции. Это дает гарантию, что дефектные гены не проникнут в наследственность будущих поколений. Если наша великая нация намерена остановить упадок, подобные меры являются жизненно необходимыми. Я бы даже сказал, не упадок, а гибель, учитывая нашу долгосрочную политику. Вряд ли мои слова являются таким уж преувеличением.

В комнате жарко и душно. Ветерок, проникающий с Темзы в открытое окно, слишком слаб. Эдвард с большим удовольствием снял бы пиджак по примеру нескольких слушателей, но на официальной встрече он не позволяет себе таких вольностей. Он пытается не замечать пота, текущего по спине. У него вспотели подмышки и сгибы локтей.

– Прошу прощения, но я не уверен, что все это имеет отношение к обсуждаемым вопросам. – Артур Вуд, председатель комитета, барабанит пальцами по столу. – Профессор Хэмилтон, я думал, мы здесь собрались для обсуждения политики в сфере образования.

Ну почему эти люди не видят, что все взаимосвязано? Что этих проблем у нас не было бы вообще, если бы... Эдвард вздыхает и медленным, размеренным голосом объясняет:

– Боюсь, мистер Вуд, это имеет самое прямое отношение к нашей теме. Если мы будем заниматься только симптомами болезни в нашем обществе – о них я еще буду говорить, – мы не создадим надлежащего лечения. Вы согласны, джентльмены? Нет, мы должны вырвать с корнем саму болезнь. К великому сожалению, уровень рождаемости у тех, кого, за неимением лучшего термина, я называю низшими слоями, значительно превосходит рождаемость у деятельных и высокоразвитых членов общества.

Он делает паузу. Пусть собравшиеся усвоят этот факт.

– Наука неопровержимо доказала, что склонность к алкоголизму, преступности, сексуальным извращениям, слабоумию, насилию, эпилепсии, депрессиям, сексуальным отклонениям и так далее является унаследованными тенденциями, передаваемыми из поколения в поколение через дефектную зародышевую плазму в наших генах. Но самым важным, в том числе и для нашей дискуссии, является следующее. Ознакомившись с этими отчетами, вы увидите, что умственные способности как таковые на сто процентов передаются человеку от его родителей. Каждый без исключения ребенок рождается с определенным умственным потенциалом, который не изменить никаким образованием.

Эдвард смотрит на вялые лица слушателей и откашливается.

– Джентльмены, как только вы изучите представленные отчеты, – он снова постукивает по стопке бумаг, – уверен, вы согласитесь, что на основе всего, что нам известно о передаче умственных способностей по наследству, мы должны полностью пересмотреть нашу систему образования.

– Каким образом? – спрашивает Вуд, прекращая барабанить по столу и откидываясь на спинку стула.

Эдвард улыбается самой снисходительной из его арсенала улыбок:

– Вначале позволю себе сослаться на мою работу «Проверка умственного развития в школах», опубликованную несколько лет назад. Уверен, вы непременно с ней познакомитесь. Говоря вкратце, я ратую за системные изменения в наших школах. Мы должны провести общенациональную проверку всех детей, достигших одиннадцатилетнего возраста, и на основе положений, которые я отстаиваю в упомянутой книге, выделить самых одаренных. Таких детей можно собрать в самые лучшие специализированные школы, где они будут находиться в обществе одаренных сверстников и благотворно развиваться. Те же, кто из-за своего рождения никогда не сможет достичь уровня, необходимого для карьеры ученого или руководителя, будут получать базовое образование с уклоном в практическую сферу. Эти дети не станут высококлассными специалистами. Они пополнят ряды рабочих, которые непременно понадобятся нашей стране, если мы собираемся строить здоровое будущее.

– А умственно отсталые дети? – спрашивает Вуд.

– Дети с легкими умственными отклонениями будут учиться в обычных массовых школах, чтобы приобрести ту или иную низкую квалификацию. И совсем иной подход необходим к детям с серьезными умственными дефектами. Тех, кто подпадает под категорию идиотов, имбецилов и слабоумных, не поддающихся никакому обучению, необходимо сразу же помещать под пристальную общественную опеку и контроль. Дети, чьи умственные способности находятся на самом низшем уровне, должны содержаться в особых заведениях или колониях, организуемых местными властями. Это позволит удалить их с улиц и, что еще важнее, предотвратить любой риск деторождения и передачи дефектных генов.

– О каком числе дефективных мы говорим, профессор Хэмилтон? – спрашивает седовласый джентльмен с обеспокоенным лицом, чью фамилию Эдвард никак не может запомнить. – Расходы на их содержание наверняка окажутся непомерно высокими.

– Пока мы не проведем общенациональную проверку, я не располагаю никакими цифрами.

– Но я всегда считал, что смысл проверки умственного развития детей направлен на то, чтобы оказать дополнительную поддержку в обучении и помочь тем, кто отстает от сверстников, – не сдастся джентльмен. – Это вполне можно осуществить в рамках существующей системы школьного образования. А проверять, чтобы выявить слабейших и изолировать их в предлагаемых заведениях... Ведь такая же изоляция рекомендуется и для одаренных. Принесет ли это благо в масштабах страны? Я что-то сомневаюсь.

Говоря, джентльмен изгибает свою кустистую бровь. Зрелище довольно комичное, и Эдвард сдерживает желание рассмеяться.

– Если вкратце, боюсь, подобные надежды весьма устарели, – терпеливо объясняет Эдвард. – Здесь содержатся наши доказательства. – Он снова указывает на свои бумаги. – Они и множество других недавних исследований показывают, что воспитание и образование лишь в ничтожной степени влияют на умственные способности. Самые лучшие педагогические методики, полноценное питание и любые другие блага, изливаемые на умственно отсталых, не сделают их ни на йоту умнее. Следовательно, любое вложение средств в надежде развить интеллект таких детей – это пустая трата денег. Я предлагаю осуществить проверку умственных способностей всех детей, достигших одиннадцати лет, поскольку к этому возрасту их умственное развитие уже вполне поддается оценке. Результаты проверки подскажут нам, каким должно быть дальнейшее обучение того или иного ребенка. Мы как нация не можем себе позволить неоправданную трату ресурсов, особенно сейчас, когда безработица стремительно растет, а зарплаты неумолимо снижаются, что, конечно же, уменьшает налоговые поступления. Однако, – добавляет Эдвард, – через поколение стоимость этих расходов естественным образом понизится, если мы сведем к нулю рождаемость у слабоумных.

Собравшиеся за столом ерзают на стульях и вполголоса переговариваются. Эдвард подносит к губам стакан с водой.

– Простите, профессор Хэмилтон, – говорит ему джентльмен с кустистыми бровями, – я и несколько моих коллег – (те утвердительно кивают) – сомневаемся в достаточности доказательств, подкрепляющих ваши изыскания. Изменение всей нашей системы образования, насильственная изоляция умственно отсталых детей и начало программы по стерилизации кажутся нам необычайно рискованной игрой с отсутствием неоспоримых доказательств в пользу ваших утверждений. – Не получив ответа Эдварда, он продолжает: – Например, насколько достоверны упомянутые проверки для одиннадцатилетних? Откуда ваша уверенность, что результаты обусловлены природными умственными способностями, а не обучением этих детей?

На Эдварда устремлены двенадцать пар глаз. Затаив дыхание, аудитория ждет его ответа. В нем поднимается раздражение от неспособности собравшихся понимать очевидные вещи.

– Прежде чем отметить мои рекомендации, предлагаю внимательно прочитать представленные доказательства. Это лишь один небольшой шаг среди более значительных шагов, которые мы, как общество, должны сделать, чтобы улучшить жизнь каждого из нас и обеспечить будущее процветание. У нас попросту нет времени на проведение новых детальных исследований, когда действия, которые мы должны осуществить, предельно понятны уже сейчас.

– Однако, – упорствует Бровастый, – если вы и ваши друзья-евгенисты окажетесь неправы, негативные последствия для очень многих детей и их семей будут неизмеримыми! Подобные концепции, профессор Хэмилтон, для многих просто неприемлемы, – добавляет он, и его лицо принимает серьезное выражение.

Эдвард открывает рот, приготовившись ответить, но тут вмешивается Вуд, подняв руки:

– Джентльмены, думаю, нашей дискуссии угрожает еще больший уход в сторону от текущих вопросов. Давайте не забывать, что нашему комитету поручено обсуждение одной лишь

политики в сфере образования. Предлагаю прочесть доказательства, представленные уважаемым профессором, а после собраться еще раз.

Участники одобрительно кивают, хотя до ушей Эдварда долетают бормотания Бровастого, обращенные к соседу. Этого джентльмена заботит неопровержимость доказательств. Эдвард игнорирует его и собирается завершить выступление.

– Итак, джентльмены... – Он улыбается собравшимся, а на самом деле ему уже невыносимо находиться в этой тесной душной комнате. – Если у вас больше нет вопросов, позвольте откланяться. Меня ждут на деловом ланче. Когда вы прочтете мои отчеты, прошу вас сообщить об этом. Если мне будет позволено, – он смотрит на Вуда, – я бы хотел, чтобы, перед тем как представить Министерству образования рекомендации, разработанные вашим комитетом, вы проконсультировались со мной. Полагаю, что эти предложения, равно как и другие, которые я сейчас разрабатываю для Министерства здравоохранения, должны осуществляться совместно. Если кому-то из вас захочется узнать побольше, сошлюсь на мою недавнюю книгу «Преступность среди несовершеннолетних и криминальный склад ума». Она уже вышла из печати и продается во всех приличных книжных магазинах. Думаю, вы найдете ее весьма поучительной.

Последняя фраза адресована Бровастому, сидящему с каменным лицом.

Несколько участников вежливо смеются и одобрительно кивают.

– От имени нашего комитета позвольте поблагодарить вас, профессор Хэмилтон, за то, что любезно согласились прийти и представить нам свои изыскания, – говорит Вуд. – Как всегда, вы приносите вести с передового рубежа науки, расширяющие наши представления. Мы искренне признательны вам за потраченное время и терпение.

Эдвард воодушевлен аплодисментами, теплотой восхищенных взглядов и одобрительными кивками многих участников встречи.

Глава 7

Элино́р

– Дорогая, доедай кашу, – просит Элино́р.

Мейбл крутит ложкой в глубокой тарелке и тихо разговаривает с Пруденс, примостившейся на подлокотнике ее стула.

– Пруденс говорит, что она ест только совсем сладкую кашу.

– Но кашу положили тебе, а не Пруденс, – замечает Элино́р. – Съешь быстренько. А то няня скоро уведет тебя играть, и ты останешься голодной.

– Я люблю то, что любит Пруденс, – заявляет Мейбл, ударяя ногой по ножке стула и выпячивая нижнюю губу.

– Боже мой, Элли, да положи ты ребенку еще ложку сахара. – Роуз вздыхает и подмигивает Мейбл. – Тетя Роуз согласна с Пруденс: чем больше сахара, тем лучше.

Элино́р выразительно смотрит на Роуз. Но ее решимость прошла, и она посыпает сахарным песком быстро остывающий завтрак Мейбл.

– Похоже, я тут одна против троих, – говорит она. – Но если у тебя выпадут все зубы, виновата будет не тетя Роуз и не Пруденс.

– Спасибо, мама.

Широко улыбаясь, Мейбл зачерпывает ложку каши, вначале подносит ко рту куклы, затем быстро проглатывает.

Элино́р намазывает тост джемом, в котором полно яблочной кожуры. Боковым зрением она отмечает пустующий стул Эдварда. Муж теперь приезжает домой только на выходные. Связано ли его постоянное отсутствие только с работой? Может, Софи известно то, о чем не знает она? А может, есть другие причины, по которым он избегает Брук-Энд? Она смотрит на дочь. Мейбл сосредоточенно объедает верхний, подслащенный слой каши.

Раздается негромкий стук в дверь.

– Доброе утро, миссис Хэмилтон. Мейбл уже позавтракала? – спрашивает мисс О’Коннелл.

Лицо у няни хмурое и угрюмое.

– Доброе утро. Думаю, да. – Элино́р поворачивается к Мейбл. – Дорогая, вытри салфеткой ротик. Мисс О’Коннелл, вы хорошо себя чувствуете? У вас несколько усталый вид.

– Это пройдет, – отвечает няня, губы которой плотно сжаты.

Что-то не верится. Под глазами мисс О’Коннелл темнеют круги.

Мейбл слезает со стула.

– Пожелай маме хорошего дня.

– Хорошего тебя дня, мама, – тихо говорит Мейбл и вслед за мисс О’Коннелл выходит из комнаты, шаркая ногами по ковру.

Что это с ними обеими?

– Ну и что ты думаешь? – спрашивает Роуз.

Элино́р что-то хмыкает.

– Элли, ты слышала мой вопрос? – Сестра с лязгом бросает нож на тарелку.

– Ой, прости! Унеслась в мыслях.

– Я говорила, что в Лондоне есть курсы усовершенствования стенографисток. Я бы хотела туда поступить. Нужно освежить навыки. Я рассказала об этом Софи. Поскольку школа Питмана находится на Саутгемптон-Роу, она сказала, что три месяца, пока идут занятия, я могу пожить у нее. Естественно, на выходные я буду приезжать в Брук-Энд, как и Эдвард.

Роуз смотрит на сестру, ожидая ее реакции. Но мысли Элино́р далеки от темы разговора, далеки от столовой, Брук-Энда и планов Роуз. Элино́р глубоко погрузилась в себя и пытается

понять странное, неясное ощущение, возникшее у нее под ложечкой. Ощущение усиливается. Она ждет, пока оно превратится во что-то реальное. Но ощущение упрямо остается размытым, и ей не ухватить его смысл. Она заставляет себя вернуться к действительности.

– Роуз, – осторожно начинает она, – я не возражаю против твоего поступления на курсы. Конечно, жить у Софи несравненно лучше, чем в каком-нибудь пансионе. Я понимаю твое желание работать. До замужества я и сама с большим удовольствием работала. Но...

– Но – что?

– Но неужели ты мечтаешь о работе секретарши? Или намерена поискать нечто более подходящее для девушки твоего происхождения? Журналистика – чисто мужская вотчина и уж явно не для таких, как ты. Я бы очень беспокоилась о твоей безопасности и репутации.

Роуз закатывает глаза:

– Уверена, мама одобрила бы мой выбор.

Элинор смотрит на решительное лицо Роуз и думает, что на самом деле сказала бы их мать. Их прежняя мать, какой она была до Трагедий. Так Элинор привыкла называть последующие события. Она плохо помнит их мать до войны: ту счастливую, беззаботную, жизнерадостную женщину. А Роуз? Сестра помнит еще меньше. Роуз было всего четыре года, когда разразилась война. Семь, когда на этой войне, с разницей в несколько недель, погибли оба их старших брата. Роуз видела, как медленно и мучительно умирал их отец, легкие которого были поражены отравляющим газом. Месяц за месяцем он сражался за право дышать. И, словно всего этого было недостаточно для юной жизни, когда Роуз было десять лет, однажды утром их мать ушла на работу и не вернулась. Трагедии. Будучи не в состоянии справиться со столь сильным горем и потрясением, они с Элинор сплели свою версию воспоминаний о родителях и братьях, где было больше фантазий, чем реальности. Реальные воспоминания сохранились только у Элинор, и те отрывочные. Их она держит при себе, не делаясь с сестрой.

– Она бы хотела мне счастья, – упрямо заявляет Роуз.

– Но не любой ценой, – возражает Элинор. – Мама хотела, чтобы ты не причиняла себе вреда. Как видишь, для твоей жизни в Европе мы наняли весьма дорогостоящую компаньонку, но и она не уберегла тебя от беды.

– Так вот, оказывается, в чем дело? Ты до сих пор злишься на меня за то, что я полюбила Марселя!

– Я... – Элинор закусывает губу. – Мы с Эдвардом считаем, что ты могла бы найти лучшую...

– «Мы с Эдвардом»? Элли, ты перестала думать самостоятельно. – Роуз повышает голос, ее щеки покраснели. – Не ему решать, в кого мне влюбляться.

– Роуз! После всего, что он сделал для нас? Для тебя. – Элинор чувствует, как ее грудь наполняется гневом. – Ты прекрасно знаешь, почему Эдвард так поступил. Могли ли мы позволить тебе отправиться в самостоятельную жизнь и выйти замуж за безденежного, как ты сама же говорила, француза, с которым ты едва знакома? – Элинор замолкает и, затаив дыхание, гневно смотрит на сестру.

Роуз отвечает ей бунтарским взглядом. Девушке хватает здравого смысла промолчать.

– И потом, – переведя дух, продолжает Элинор, – ты прекрасно знаешь, чем вызваны мои опасения. Памятью о страшной беде, случившейся с нашей дорогой мамой. – У нее дрожит голос. – Потому-то я и не хочу, чтобы ты работала в Лондоне. Ты не можешь постоянно жить у Софи. Рано или поздно ты переберешься в какой-нибудь отвратительный пансион. А мужчины охотятся за одинокими женщинами, которые темными вечерами возвращаются домой. Роуз, пойми меня правильно. Дело не в моем нежелании, чтобы ты работала. Мне работа доставляла удовольствие, хотя я и была вынуждена работать, а у тебя такой необходимости нет. Я волнуюсь за тебя. Жить одной, работать в газетах... Это так рискованно и совершенно неправильно. – В горле Элинор появляется комок, и она устало опускается на стул.

Черная тень материнской смерти заставляет их замолчать. Кажется, что в кухне пахнуло морозным дыханием зимы.

– Послушай, пока это всего-навсего курсы. Мне не предлагают ничего более опасного, чем сидение за пишущей машинкой, – нарушает молчание Роуз. – Обещаю тебе, я не стану одна разгуливать по лондонским закоулкам. – Роуз умоляюще смотрит на сестру.

Вряд ли Роуз помнит. Должно быть, разум заблокировал ей память о том ужасном февральском дне 1920 года. Но Элино́р, которой тогда было девятнадцать, этот день крепко врезался в память, и ей никогда не забыть ужаса случившегося.

Первой, кто на рассвете обнаружил их мать, была старая будильщица Мэри. Она ходила по улочкам Сохо и, поднося трубку к губам, стреляла сухим горохом по окнам верхних этажей, будя рабочих. Боковым зрением старуха заметила в грязи подол светлого платья, разметавшийся, словно крылья мертвой бабочки. Было это в узком глухом переулке. Остекленевшие глаза, холодная, как мрамор, кожа, ссадины и глубокие пурпурные отметины на шее... Мэри хватило беглого взгляда, чтобы понять: эта женщина рассталась с жизнью не по своей воле.

В тот же день к сестрам явились двое бородатых полицейских. Со вчерашнего вечера, когда мать не вернулась домой, Элино́р и Роуз не находили себе места. Старший из двоих, тщательно выбирая слова, рассказал о случившемся. Вчера из работного дома бежал опасный бродяга, а их мать, оказавшись не в том месте и не в то время, имела несчастье столкнуться с преступным типом, когда возвращалась домой и решила сократить путь.

Элино́р смотрела на дверь, которую едва успела закрыть за полицейскими, и думала, что скажет своей десятилетней сестре. Подавляя слезы и не позволяя панике разрастаться внутри, она повернулась к бледной, молчаливой Роуз, застывшей от шока. «Мы справимся», – сказала она, сжимая худенькие руки сестры. Мысленно Элино́р составляла письмо к их черствым, холодным тетке и дяде – единственным родственникам, жившим в Эдинбурге. «У меня хорошая работа, и я найду способ поддерживать нас обеих», – сказала она Роуз, добавив к мысленному письму, что для них не представляется возможным переехать жить на север. Да и вряд ли тетка с дядей горели желанием принять под свою крышу племянниц. Нежелание было обоюдным.

В тот день Элино́р лишилась последних остатков детской наивности. В ее груди вспыхнуло пламя ненависти к проклятым низшим слоям, особенно к обладавшим преступными наклонностями. Необходимо что-то делать с этим отродьем, бродящим по улицам и терроризирующим невинных женщин. Эта ненависть привела ее в Евгеническое общество, где она встретила людей, разделявших ее представления о безопасном будущем, свободном от бродяг всех мастей.

– Элли, – говорит успокоившаяся Роуз, – знаю, ты волнуешься за меня. Знаю, как ты обо мне заботишься, и я это очень ценю. Но, – она берет сестру за руку, – тебе придется отпустить меня в самостоятельную жизнь. Я всерьез намерена стать журналисткой. Да, это нелегко. Большинство газет не захотят иметь со мной дело. Но у нас, женщин, есть избирательное право. Значит, мы, женщины, способны делать гораздо больше, чем прежде. Я по-настоящему хочу заниматься серьезным делом. Очень-преочень хочу. Курсы открываются второго сентября. Софи говорит, что я могу жить у нее, сколько пожелаю, и она будет только рада моему обществу. Ну что плохого может со мной случиться в ее доме? Она предлагала познакомить меня с Роджером Фраем и Клайвом Беллом. Ты наверняка слышала их имена. Они искусствоведы. Если я смогу у них работать, хотя бы на первых порах, это было бы чертовски полезно для... – Роуз кусает губы, не давая сорваться с них имени Марсель.

Элино́р решает тоже не упоминать француза.

– И еще Софи знакома с Леонардом Вулфом! – продолжает Роуз, в голосе которой появляется возбуждение. – Понимаешь, она говорила, что он смог бы найти мне работу в «Хогарт

пресс». Конечно, это не газета, но для начала подойдет. Софи говорит, что мне нужно мыслить широко. Главное, она знакома со всеми нужными людьми.

– Мэри Стоупс предлагала тебе работу в «Новостях контроля над рождаемостью», – говорит Элино́р, вспоминая разговор на званом обеде. – Там тебе даже не понадобились бы курсы.

Она не добавляет, что для сестры было бы куда благотворнее работать среди женщин, а не среди мужчин.

– Ни в коем случае, – наморщив нос, отвечает Роуз. – Пойми меня правильно. Я не против контроля над рождаемостью. Но я не выношу эту женщину. Элино́р, даже ты должна признать, что она придерживается крайних взглядов. Она ненавидит всех: от евреев до итальянцев и даже французов. И боже упаси, если ты окажешься беден! Честное слово, Элли, не представляю, как вы с Эдвардом ее терпите.

– Вообще-то, я...

– Софи считает мою учебу на курсах хорошей идеей, и она мне поможет, – гнет свое Роуз. – С ней мне вполне безопасно. Элли, ну пожалуйста!

Элино́р улыбается. Милая Софи. Возможно, она попытается направить Роуз к занятию, более подходящему для девушки ее класса и социального статуса. Работа в издательстве была бы предпочтительнее. Там сестра оказалась бы среди достойных и добропорядочных мужчин. Софи не подведет Роуз. По всему видно, что Роуз не собирается отказываться от задуманного.

– Ладно, будь по-твоему. Но только если ты поселишься у Софи и она будет точно знать, где ты находишься в то или иное время, а также...

Слышится резкий стук в дверь.

– Миссис Хэмилтон, мне нужно с вами поговорить, – заявляет мисс О'Коннелл, входя в столовую вместе с Мейбл, которую она крепко держит за руку.

Няня отсутствовала не более четверти часа!

– Разговор не может обождать до ланча?

– Никак не может, миссис Хэмилтон. Я должна сообщить вам неприятную новость, – упрямо и непреклонно добавляет она.

Все смотрят на Мейбл. Побледневшая малышка сосредоточенно сосет большой палец и жмется к подолу мисс О'Коннелл.

– Да вынь же ты наконец палец изо рта! – шипит няня, нагибается и насильно вытаскивает палец.

Роуз встает со стула и протягивает руку ошеломленному ребенку:

– Идем, Мейбл. Выйдем наружу, подышим свежим воздухом. Пошли.

Мейбл послушно берет руку Роуз. Ее кукла Пруденс зажата под мышкой. Мейбл порывается вновь засунуть палец в рот, но передумывает и опускает руку.

– Тетя Роуз, мне спать хочется.

– Тогда пойдем и посидим в патио. Там ты вздремнешь, – слышит Элино́р слова сестры, и дверь столовой со щелчком закрывается за ними.

– Итак, в чем дело? – Элино́р поворачивается к няне. – Что случилось?

Мисс О'Коннелл стоит прямая как палка. Подбородок выпячен, пальцы беспокойно шевелятся.

– Садитесь. – Элино́р указывает на стул напротив. – Вы меня нервируете.

Мисс О'Коннелл облизывает губы. Она тяжело дышит. Ее грудь вздымается и опадает. У нее перехватывает дыхание.

– Миссис Хэмилтон, я очень извиняюсь, что не предупредила заранее! – выпаливает мисс О'Коннелл, – но я подаю прошение об увольнении. Свой срок я отработаю...

Элино́р пристально смотрит на нее. Внутри нарастает предчувствие чего-то ужасного, о чем она вот-вот услышит. Всего недели две назад они говорили о втором ребенке, который

родится в начале следующего года. Тогда мисс О'Коннелл утверждала, что ей легко управляться с Мейбл.

Элино́р откашливается:

– Н-но я и понятия не имела, что вы чем-то недовольны. Вы бы раньше высказали свои претензии! Мы, со своей стороны, очень довольны вашей работой. Если вопрос упирается в деньги, уверена, и это можно решить. Конечно, с появлением новорожденного хлопот прибавится. Я переговорю с Эдвардом. Нас очень огорчит, если...

– Миссис Хэмилтон, дело не в моем жалованье. – Мисс О'Коннелл выглядит так, будто ее ужалила оса. – Вы были добры ко мне. Брук-Энд – чудесное место...

– Пожалуйста, не уходите от нас!

Элино́р ненавистна эта интонация просительницы, это отчаяние в ее голосе.

– Дело в ребенке. В Мейбл. Мне с ней не справиться. – Няня раскачивается на стуле; лицо совсем бледное.

– Что она натворила?

– Ничего она не натворила, миссис Хэмилтон. Думаю, вы знаете, что я имею в виду. Дело в том, какая она сама.

– Мисс О'Коннелл, я не понимаю, о чем вы, – упорствует Элино́р. Возможно, если всем им притворяться и дальше, это не превратится в реальность. – Ну и кто же она?

– Помилуй меня, Боже! – перекрестившись, восклицает няня. – Вы ее мать. Знаю, как вам тяжело принять такое. Я думала, вы сами заметите. Вы же такая внимательная мать. – Мисс О'Коннелл выпрямляется, берет себя в руки и выпученными глазами смотрит на Элино́р. Зрелище не из приятных. – Девочка одержима, – по-лисьи оскалив зубы, продолжает она хриплым шепотом. – Дьявол забрал ее в свои когти.

Услышав это, Элино́р невольно открывает рот.

– Это правда. – Няня энергично кивает. – Загляните ей в глаза. Там темнота. Можете и дальше не обращать внимания, если вам так угодно. Но в нее вселился дьявол. И это жутко. – (У Элино́р холодеет внутри.) – У нее начались припадки, самые настоящие, длящиеся долго. Каждый день. Вы не могли их не заметить. Последний случился сразу после завтрака. Миссис Хэмилтон, я не могу приглядывать за ней. Честное слово, не могу. Еще немного – и у нее появится пена на губах. Мне так кажется...

– Да как вы смеете?! – взрывается Элино́р.

Она сердито смотрит на няню. Мисс О'Коннелл – католичка. Элино́р не является верующей, хотя и ничуть не возражает против веры няни. Эдвард – ученый и потому находится в весьма противоречивых отношениях с Богом. Он не говорит об этом, но она знает о внутренней битве, которую муж ведет с Богом. В этой битве его логика ученого вообще противится концепции некоего высшего существа. Эдвард винит Бога (если тот существует) за ужасы войны. И в этой битве обвинения чередуются с раскаянием.

Зато мисс О'Коннелл глубоко религиозна. Элино́р знает: каждый вечер перед сном няня читает Библию. До сих пор Элино́р никогда не возражала против ее верований. И вдруг эта несусветная чепуха. Элино́р вдруг вспоминает, как однажды Мейбл держала Пруденс вниз головой, чтобы дьявол вылез из куклы.

– Это были вы! – восклицает Элино́р. – Это вы внушали Мейбл, что у нее внутри дьявол. Что она плохая!

– Так то сущая правда, миссис Хэмилтон, как бы тяжело вам ни было ее принять. – Мисс О'Коннелл взмахивает руками, ее щеки покрываются пурпурными пятнами. – У девочки бывают видения. Она видит какую-то женщину с огненными волосами. Она говорит с этой невидимой огненноволосой женщиной. Понимаете? Та женщина и дьявол – одно и то же! Она взаправду разговаривает, когда я никого не вижу. Меня это пугает, миссис Хэмилтон. Мейбл нагоняет на меня такого страха, что я спать не могу.

Комната качается. Элино́р вцепляется в подлокотник стула и пытается успокоиться. Женщина с огненными волосами. Перед мысленным взором проносятся картины с Мейбл. Элино́р едва отваживается думать об этом, но она точно знает, что́ имеет в виду мисс О'Коннелл, говоря о темноте в глазах ее дочери. Она видела это многократно, но всякий раз относилась за счет своего воображения. И потом, эти странные спотыкания и падения. Элино́р обещала мужу вызвать доктора Харгривса, но так и не заставила себя это сделать. Женщина с огненными волосами. Кто же она такая, черт побери?! Элино́р становится зябко.

Было куда легче игнорировать это, надеяться и молиться, что состояние Мейбл выправится само по себе. Но чем бы ни страдала ее дочь, гадкие, оскорбительные слова мисс О'Коннелл со всей их отвратительной силой хлещут Элино́р по лицу. Ее пульс учащается, в ушах слышен шум крови. Однако хуже всего страх другого рода: а вдруг няня выдаст эту страшную тайну? Вдруг кому-нибудь расскажет?

Этого нельзя допустить!

Она поворачивается к насупленной мисс О'Коннелл.

– С Мейбл все в полном порядке. – Голос Элино́р врезается в воздух, как нож. Пусть только няня посмеет болтать! Элино́р с Эдвардом постараются, чтобы ее больше не взяли ни в одну приличную семью. – Как вы смеете заявлять, что у моей малышки припадки! Вас нанимали заботиться о нашей дочери, а не сочинять дурацкие сказки о вселившемся дьяволе. Вы вбивали эту чушь ей в голову. Пугали ее. Скорее всего, это ваша вина. Ребенок напуган!

– Нет, миссис Хэмилтон. Я не...

– Убирайтесь! – От гнева голос Элино́р звучит ниже обычного. – Прочь из моего дома! Мейбл – чудесная, невинная, здоровая четырехлетняя девочка. Вам понятно? А дьявол – это вы, мисс О'Коннелл. Это вы больны и нуждаетесь в помощи. – Гнев Элино́р вырывается наружу, как кипящая вода, расцепляя ледяную хватку страха. Мать, ребенку которой угрожают, может реагировать только так. – Никакого положенного срока вы отработывать не будете. Я больше не доверяю вам свою дочь. Вы должны покинуть наш дом немедленно!

Элино́р пытается встать. Она с головы до пят охвачена дрожью. Шоковое состояние вместе с отвратительными словами, вырвавшимися из нее, не лучшим образом могут сказаться на ребенке в ее чреве. Она должна защищать свою Личинку. Взять себя в руки. Успокоиться. Но ужас, гнев и замешательство не затихают. «Расспроси ее, – требует тихий внутренний голос. – Ты же знаешь, что она права! Расспроси во всех подробностях. Собери их воедино и обдумай, как быть дальше». Но вопросы не срываются с ее губ. Элино́р продолжает молчать и тяжело дышать, глядя, как мисс О'Коннелл сжимается под напором ее гнева.

Каждая клетка в теле Элино́р хочет бежать к Мейбл, подхватить на руки, крепко обнять и защитить. «Я всегда буду оберегать тебя от любых напастей, мое драгоценное сокровище». Элино́р вспоминает, что шептала эти слова в ушко Мейбл, когда та родилась. Она качала крошечное тельце и ласково шептала. Нельзя было оставлять ее сокровище с этой женщиной. Нельзя было поддаваться уговорам Эдварда, считавшего, что их ребенку с первого дня нужна няня. Она сама могла бы прекрасно позаботиться о дочери. Им было бы так хорошо вдвоем.

– Как вам угодно, – говорит мисс О'Коннелл, одеревенело поворачиваясь к двери. – Только бесполезно прятать голову в песок и не замечать очевидного. Нет больших слепцов, чем те, кто не желает видеть, – язвительно добавляет няня и направляется к двери.

– С кем вы говорили об этом? – кричит ей вслед Элино́р, в мозгу которой громоздятся ужасные мысли о возможном раскрытии тайны.

Если тайну можно сохранить, тогда, наверное, еще не все потеряно.

К этому времени по щекам Элино́р текут горячие слезы. В горле стоит ком, не давая говорить.

Мисс О'Коннелл останавливается и поворачивается к ней:

– Не бойтесь, миссис Хэмилтон. Я не сказала ни одной душе. Свои мысли и подозрения я держу при себе. Вот так. Но, кроме меня, это видит вся домашняя прислуга. Я уж не говорю про окрестных жителей.

Элино́р вздыхает. Из нее словно выпустили воздух. Она вдруг чувствует себя старой и усталой. Что бы ни было с Мейбл, можно ли это сохранить в тайне? Как она могла потерять самообладание? Элино́р опускается на стул. Няня все равно уволится, но нельзя увольнять ее с такой поспешностью. И нельзя было кричать на мисс О’Коннелл. Теперь, чего доброго, та обозлится и расскажет газетчикам. Что тогда случится с Эдвардом? С Эдвардом, боже ты мой!

Она поднимает глаза на мисс О’Коннелл. Няня стоит, держась за дверную ручку. Вид у нее неуверенный и смущенный. Элино́р видит подрагивающую руку няни, и ее сердце смягчается. Мисс О’Коннелл появилась в их доме вскоре после рождения Мейбл, и вплоть до сегодняшнего дня все было прекрасно. Воздух столовой наэлектризован. Мисс О’Коннелл ждет, когда Элино́р заговорит.

– Простите, – наконец произносит Элино́р. – Я погорячилась. Я не должна была так себя вести, но сказанное вами меня просто шокировало. Понимаете?

Рука няни соскальзывает с ручки.

– Понимаю, – отвечает она, и ее лицо обмякает, будто она сознаёт, что их короткая ссора закончилась обоюдным поражением. – Не волнуйтесь, миссис Хэмилтон. Я никому ничего не скажу. Я свое ремесло знаю. Я работала в разных семьях и никогда ничего не выносила за порог. Таково мое правило, и я его ни разу не нарушила. Можете мне верить.

Обе чувствуют неловкость создавшегося положения.

– Мисс О’Коннелл, я хочу исправить свою оплошность, – устало говорит Элино́р. – Я ценю вашу... откровенность относительно Мейбл. Я заплачу вам за весь месяц и, естественно, дам превосходные рекомендации. – Элино́р делает паузу. – Я также добавлю к этим деньгам премиальные в размере недельного жалованья, которые вы обычно получали на Рождество.

– Спасибо, миссис Хэмилтон, – склонив голову, произносит мисс О’Коннелл. – Премного благодарна. Сейчас соберусь и поеду к сестре в Шефердс-Буш. Поживу у нее, поищу новое место. А может, на время вернусь в Ирландию. Мамочка моя совсем старая стала. Хворает.

– Мне жаль, мисс О’Коннелл, что все это кончается таким образом.

– Мне тоже жаль, – говорит няня, поворачивая ручку и открывая дверь. – Я была в восторге от малютки Мейбл, честное слово. Но, миссис Хэмилтон, – ее голос становится умоляющим, – ваша дочь нуждается в помощи. В ней завелась какая-то гниль, и это вне всякого сомнения. Чем раньше вы признаете правду, тем лучше для всех вас.

Мисс О’Коннелл уходит, и буквально сразу в столовую возвращаются Роуз и Мейбл. Малышка выглядит лучше, на щеках хотя бы появился румянец. Едва взглянув на Элино́р, Роуз бросается к сестре.

– Что тут в вас произошло?

Элино́р обмякает в объятиях сестры, совершенно не представляя, как ей быть дальше.

Глава 8

Эдвард

В восьмом часу вечера на пороге появляется извиняющийся доктор с кожаным саквояжем в руке.

– Простите, пришлось задержаться на ферме Стэндон. Ждал, пока приедет «скорая помощь». В доильном отделении пострадала скотница. – Он качает головой и протягивает Эдварду руку. – Не повезло бедняге.

– Спасибо, что приехали. И примите мои извинения за добавленные хлопоты.

Он пропускает доктора в переднюю, где тот отдает Элис шляпу и шарф.

– И кто же из вас мой пациент?

– Мейбл, – коротко отвечает Эдвард, ведет врача в гостиную и плотно закрывает дверь. – Вначале я должен переговорить с вами наедине. – Эдвард указывает на стул, предлагая сесть, но оба продолжают стоять. Эдвард тербит манжеты. – Мне пришлось спешно приехать из Лондона. Жenu я нашел в истерическом состоянии, а потому буду вам признателен, если вы посмотрите и ее.

Доктор молчит. Эдвард воспринимает это как просьбу продолжать.

– По словам няни, которая сегодня уволилась, у нашей дочери наблюдаются странные... проявления. Какие-то видения, разговоры с несуществующими людьми. – Он делает короткую паузу. – Элино́р мне говорила, что замечала у Мейбл странные движения рта, глаз и подбородка. Элино́р очень расстроена поспешностью, с какой няня покинула наш дом, а также смехотворными утверждениями, будто наш ребенок одержим. – Эдвард закатывает глаза и невесело смеется. – Добавлю, что няня – рьяная католичка, склонная к мелодрамам и диковинным суевериям.

– Что ж... – Доктор Харгривс морщит лоб. – Я бы предпочел взглянуть на Мейбл.

Он делает шаг к двери. Эдвард берет за ручку, загоразивая путь.

– Я могу рассчитывать на вашу предусмотрительность и сохранение полной конфиденциальности относительно этого дела?

Доктор Харгривс твердо смотрит Эдварду в глаза:

– Можете не сомневаться.

– Благодарю.

Эдвард открывает дверь, и они вдвоем молча поднимаются в детскую.

Доктор Харгривс – спокойный человек средних лет с седеющими висками. Четыре года назад холодным мартовским утром он принимал у Элино́р роды. Эдвард вспоминает, как он впервые увидел свою дочь: крошечную, краснолицую и орущую. Она потрясала кулачками, а из открытого ротика высовывался язычок. Доктор тогда улыбался, считая ее гнев на мир хорошим знаком.

– В этой малышке неукротимый дух, – сказал он, осторожно передавая ребенка в неуклюжие руки Эдварда.

Эдвард стал ее нежно укачивать, и все вопли чудесным образом утихли. Взгляд ее темно-синих глаз блуждал по сторонам и наконец встретился со взглядом отца. С того момента Эдвард был покорен.

Они подходят к дверям детской. Тяжесть в груди Эдварда нарастает.

Элино́р держит Мейбл на коленях. Малышка сосредоточенно сосет большой палец. Мисс О'Коннелл безуспешно пыталась отучить ее от этой привычки. «Фу! Пальчики грязные. Так делают только младенцы», – отчитывала она девочку, насильно вытаскивая палец изо рта своей подопечной.

При виде жены и дочери у Эдварда учащается сердцебиение. Мейбл сидит в ночной рубашке, внимательно глядя на книгу, которую ей читает Элинора. Идеальная сцена. Трудно представить стычку, произошедшую между мисс О'Коннелл и Элинора, о чем жена со слезами на глазах поведала ему сразу же, как он переступил порог. Элинора несвойственно теряет самообладание.

Доктор Харгривс подходит к матери и дочери и широко улыбается:

– Добрый вечер, маленькая леди. Ты меня помнишь?

Мейбл устремляет на него большие синие глаза и качает головой.

– Я доктор Харгривс. Меня не удивляет, что ты меня не помнишь. Прошло больше года с тех пор, как я приезжал к тебе. А сейчас я хочу немножечко тебя осмотреть. Ты не возражаешь?

Мейбл смотрит на отца. Эдвард ободряюще кивает.

– Хорошо, – отвечает Мейбл, извлекая изо рта мокрый, блестящий от слюны палец.

– Вот и чудесно. Я попрошу тебя присесть на краешек кровати.

Он похлопывает по покрывалу, ставит туда саквояж, открывает и достает стетоскоп.

Пока доктор слушает ее сердечко, проверяет рефлексы, осматривает уши и глаза, Мейбл сидит тихо. К процедуре осмотра она относится со вниманием. Когда доходит черед до горла, она послушно открывает рот и говорит «а-а-а-а».

Доктор Харгривс сидит перед ней на корточках, скрестив руки на груди, и задает вопросы. Сколько ей лет? Есть ли у нее друзья и подруги? Может ли она сосчитать до десяти и обратно? Какие звуки издают свиньи, утки, коровы, собаки и кошки? Где живут лягушки? Вопросы продолжают. На каждый Мейбл отвечает без запинки.

Наконец он выпрямляется и говорит:

– Отлично, Мейбл. Ты на редкость терпеливая пациентка. Должно быть, ты устала. Ведь тебе, полагаю, уже давно пора спать.

Мейбл отвечает ему застенчивой улыбкой.

– Можно мне вас на пару слов? – спрашивает доктор Харгривс у Элинора и предлагает отойти к окну, чтобы Мейбл не слышала их разговор.

Эдвард присаживается на кровать рядом с Мейбл.

– Здравствуй, принцесса, – говорит он, глядя ее шелковистые волосы.

– Здравствуй, папа. – Дочь смотрит на него доверчивыми глазами. – Зачем доктор пришел меня осматривать?

– Хотел убедиться, что у тебя отменное здоровье.

– А-а. А где няня?

– Разве мама тебе не сказала? – (Мейбл качает головой.) – Ей понадобилось уехать к своей маме, поскольку та неважно себя чувствует.

– Когда она вернется?

– Не знаю. Возможно, у тебя появится новая няня.

– Я не хочу новую няню. Я хочу маму.

– Твоя мама, принцесса, всегда с тобой, – смеется Эдвард. – У тебя будет и мама, и новая няня. Мама слишком занята, чтобы постоянно присматривать за тобой.

– Я больше всего люблю маму, потом тебя, а потом Элис. Нет, сначала Дилли, потом Элис. Раньше я любила Пэтча больше других, но он умер, и я уже не могу его любить. Папа, а давай заведем новую собачку, – просит Мейбл, хватая пухлыми пальчиками отцовский рукав.

Доктор Харгривс и Элинора возвращаются после разговора у окна.

– Я сейчас тебя уложу, – говорит Элинора дочери, а затем обращается к Эдварду: – Я скоро спущусь.

Она снимает покрывало и отгибает край одеяла. Мейбл забирается в кровать. Эдвард смотрит, как жена натягивает одеяло до подбородка Мейбл и плотно подтыкает со всех сторон.

Потом она присаживается на кровать и нежно гладит светлые волосы дочери. У него сжимается сердце.

В гостиной задвинуты шторы, включен свет, пылает огонь в камине. Эдвард наливает доктору Харгривсу в бокал кларета. Когда приходит Элино́р, он наливает и ей.

Врач откашливается.

– Физически Мейбл вполне здорова, – говорит он серьезным тоном; лицо у доктора Харгривса тоже серьезное, непринужденной улыбки – как не бывало. – Но я должен перейти непосредственно к делу. Сообразно описанным вами симптомам, я имею достаточно оснований подозревать, что у Мейбл одна из разновидностей эпилепсии. Среди детей такое встречается часто.

Эдвард перехватывает взгляд Элино́р. В глазах жены он видит страх и потрясение, аналогичные его собственным.

– Но ведь не тяжелая форма! – восклицает Элино́р. – С годами у нее это пройдет?

Доктор Харгривс проводит рукой по волосам:

– Этого я не знаю. Возможно. Я пока не заметил у нее каких-либо признаков умственного повреждения. Конечно, я не экс...

– Что значит «пока»? – резко спрашивает Эдвард.

– Смотрите. – Голос врача звучит мягко, примирительно. – Есть вероятность, что у вашей малышки ничего серьезного. Мейбл вся светится радостью, но я должен быть честен с вами. Симптомы, которые вы мне описали, они... из числа нетипичных. И ее галлюцинации – эта женщина с огненными волосами... Я слышал о подобных вещах, но еще ни разу не видел у столь маленького ребенка. Что это значит и какое воздействие окажет на ее растущий мозг, наконец, каким будет окончательный исход... я сказать не могу.

Внутри Эдварда нарастает тошнота. В напрасной попытке ее заглушить он делает большой глоток вина.

Элино́р крутит на пальце обручальное кольцо, глядя то на мужа, то на врача.

– Но ни у Эдварда, ни у меня нет... – она едва заставляет себя произнести ненавистное слово, – эпилепсии. То есть это не наследственное. Тогда как у нее могла развиться эта болезнь?

– Может, эпилепсия встречалась у кого-нибудь из ваших родственников – теток, дядьев, братьев, сестер, бабушек и дедушек?

Супруги энергично мотают головой, отрицая предположение врача.

– В моей семье этого точно не было, – говорит Эдвард.

– И в моей тоже! – подхватывает Элино́р. – Вы же знаете, доктор, что детям свойственно придумывать себе друзей. У Роуз в детстве была невидимая подружка по имени Лавендер. – Элино́р смеется, вспоминая то время. – Год или два эта Лавендер повсюду сопровождала Роуз. Кажется, сестра тогда была в возрасте Мейбл. Пожалуй, даже старше. Ей было пять или шесть.

– Да, но такие воображаемые друзья порождаются сознательным разумом. Судя по вашим рассказам, эта леди с огненными волосами появилась из ее подсознания. Сдается мне, что это, вкупе с другими симптомами, указывает на необычный тип эпилепсии. Как часто у вашей дочери имеют место эти... эпизоды?

– Не могу сказать с полной уверенностью, однако их частота нарастает. Возможно, каждый день. Дважды в день, а то и больше.

Элино́р морщится. Края век заливают краска.

Доктор Харгривс кивает. Его обычная улыбка пропала. Эдвард сосредоточенно смотрит в свой бокал. Ему всегда нравился рубиновый цвет кларета. Но привычного комфортного состояния нет. Вино на его языке ощущается безвкусным, как вода.

– Хорошо, – говорит он, отставляя недопитый бокал и вскакивая на ноги. – Что мы можем сделать? На дворе – двадцатый век. Наверняка существуют какие-то средства. Я имею в виду,

это нарушение не может быть неизлечимым. И оно никак не может быть эпилепсией. Мейбл никак не могла унаследовать эпилепсию. В наших семьях такая болезнь не наблюдалась. Чем бы ни являлось это нарушение, мы разгадаем загадку. Я не пожалею денег и оплачу любое необходимое лечение.

Он закуривает сигарету, протягивая портсигар и врачу, но тот отказывается.

– Согласен, есть ряд состояний, похожих на эпилепсию. Но это, боюсь, совсем из другой области медицины, о которой я имею лишь общие представления, – деликатно отвечает доктор Харгривс. – Завтра я прямо с утра напишу своему знакомому врачу. Он практикует на Харли-стрит. О нестандартных нарушениях детского ума ему известно куда больше, чем мне. У него прекрасная репутация. Настоятельно рекомендую показать Мейбл ему, и чем раньше, тем лучше. Лучше вырвать это на уровне ростка, пока болезнь не успела пустить корни. Разумеется, я напишу ему, что, учитывая ваше положение в обществе, вопрос должен решаться строго конфиденциальным образом. Можете быть уверены, профессор Хэмилтон. А до вашего визита к нему предлагаю ежедневно делать подробные записи всех симптомов. Вести, так сказать, дневник наблюдений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.